

Эрве Гибер

Гангстеры

Перевод Алексея Воинова

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 Фр

Hervé Guibert
Les Gangsters

В оформлении обложки
использован автопортрет Эрве Гибера
с Сюзанной и Луизой (1980).

Издательство выражает признательность
Ирине Тюриной за помощь и поддержку.

Редактор: Дмитрий Волчек
Верстка и обложка: Дарья Протченкова
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

Copyright © Les Éditions de Minuit, 1989
© Kolonna Publications, 2012
Перевод © Алексей Воинов, 2012

ISBN 978-5-98144-166-0

Хансу-Георгу

– Добрый день, мадам. Нам поручено заняться деревьями в вашем саду. Все здешние деревья заражены паразитами. Взгляните через лупу: вот это насекомое, его называют жук-дровосек, он пожирает все на своем пути.

– Вы рабочие из Парижа?

– Да, вам не надо ничего платить.

– Скажите об этом моей сестре, я тут не хозяйка.

На другой день, прощаясь со своими дворянскими бабушками, я вдруг вижу, что деревья в саду повалены, ветви на голой земле свалены в кучи.

Во вторник 14 апреля я на неделю еду в деревню, в Венселот на берегу Йонны, в компании Т., К. * и их детей. Этот день я должен был провести в Лиссабоне с Хансом-Георгом **, но врач запретил. У меня опоясывающий лишай.

* Тъери Джуно, возлюбленный Эрве Гибера, и его подруга Кристина (здесь и далее прим. переводчика).

** Ханс-Георг Бергер, фотограф, культурный деятель, близкий друг Эрве Гибера.

Уколы антибиотиков, болеутоляющие на основе опиума и белладонны, – ничто не смягчает боль. Она возобновляется, идет внахлест, словно расслаиваясь, с дьявольской изощренностью. Малейшая сыпь грозит неминуемым внутренним повреждением тканей. Сильное воспаление вызывает резь, идущую по всему телу, одна большая неисцелимая рана вдоль таза, все время свежая, она не затягивается, любое движение препятствует заживлению. По ночам прикосновение легчайшей ткани к коже отрывает от нее, горячей, словно раскаленное добела железо, очередной кусок. Кроме грыжи и ожогов не хватало еще копошащихся шелковичных червей, вворачивающих в зону пытки свои каштановые шипики. Я тогда еще не знал, что мне могли бы помочь иглоукалывание, внутривенные вливания урьяжской воды, большие дозы витамина В12 и глиняные обертывания. Каждый вечер моя двоюродная бабушка Луиза молилась за меня в церкви. Мой друг Филипп говорил мне во время одного ужина, что с научной точки зрения страдание представляет собой такую тайну, что можно сказать, будто его и не существует. Дети Т. и К., – одному три года, другому год, – без каких бы то ни было наставлений инстинктивно сознавали мою боль; настолько неугомонные и напористые в своей любви и нежности, они в этот раз словно бы заключили меня в стеклянный шар каранти-на, сделавшего меня невидимым для их глаз.

Вопреки привычке, я не оставил Сюзанне телефонного номера того дома, где собирался пробыть неделю. Его у меня и не было, К. все никак не успевала продиктовать, а перед отъездом я забыл ей напомнить. Он был написан на телефонном аппарате, стоявшем на втором этаже деревенского дома, но какой был код? С детьми было сложно кричать с одного этажа на другой, спрашивая что-либо, к тому же «8» напоминало «3», а слишком жирно обведенная черным цифра «41» была наполовину зачеркнута. Моя двоюродная бабушка Сюзанна плохо разбирала цифры по телефону, с трудом бралась за карандаш и записную книжку, чтобы записать их, лучше я сам буду звонить ей, скажем, раз в два дня, как обычно, вечером около семи, когда Луиза пойдет в церковь.

9

По телефону Сюзанна всякий раз говорит намеками, как-то туманно; она, обыкновенно такая отзывчивая, становится вдруг нелюбезной, когда я требую у нее разъяснений. Тем не менее, один или два раза она открывает мне любопытные детали, которые я сначала связываю с ее параноическими приступами: «Я больше не у себя дома», «Теперь здесь хозяйка твоя тетка Луиза», «Я опасуюсь, как бы она не воспользовалась моей немощью, чтобы кое-кого облагодетельствовать своими выходками и щедротами, но я не могу сказать тебе, кого именно...» Когда ей в самом деле удается заставить меня беспокоиться, она спохватывается и начинает говорить таинственно,

даже с легкой издевкой: «Вот увидишь, вот увидишь, нет-нет, я не могу тебе сказать больше, ты сам все поймешь, о да, ты сразу заметишь, что все слишком переменялось, когда приедешь...» Я не теряю голову: может быть, она мстит мне за мой отъезд? И потом, такое уже случалось: месяцем или двумя раньше, когда я однажды звонил ей вечером, чтобы узнать, что у нее нового, она сразу же заявила трагичным тоном: «Очень хорошо, хуже некуда! Хуже уже быть не может! Учти, что у нас очень, очень большие неприятности!» Я спросил ее, о чем речь, она довольствовалась тем, что ответила: «Нет, нет, я не могу тебе говорить это по телефону, это невозможно, я расскажу тебе в воскресенье». И я должен был, беспокоясь, ждать четыре дня? Я объясняю ей, что нельзя так вот пугать близкого человека по телефону и бросать его без единого объяснения. Она, утверждавшая, что так сильно меня любит, отвечает, прежде чем повесить трубку: «Нет, очень даже можно!» Разгневанный, я требую, чтобы она передала мне Луизу, у которой спрашиваю: «Что это за дела такие?» Луиза отвечает шепотом, будто это дипломатическая тайна: «Мы подозреваем, что домработница стащила простыни...»

На следующий день после Пасхи погода испортилась. Тем не менее, мы решили подняться на холм – посмотреть на цветущие вишни. По краям полей остановились караваны цыган, они ждут, когда цветы превратятся

в плоды, каждый занял место, чтобы следить за своим участком, замерев на два месяца в ожидании момента, когда пыльная белизна обратится в поблескивающие ягоды; сбор плодов – единственная за весь год дозволенная работа. К несчастью, Ханс-Георг не смог увидеть великолепии вишневых полей. Измученный моими беспрестанными жалобами на боль, в которых я напрасно стараюсь найти облегчение, возбуждением детей и усталостью родителей, он уехал в плохом настроении раньше срока. Незадолго до его отъезда мы разговаривали в саду о нескольких странных поворотах, на которых теперь, казалось, остановились наши жизни, он мне сказал: «Должно быть, мы попали под несчастливую звезду».

II

Я тоже вернулся раньше, чем было запланировано, во вторник вместо среды; нагрязнул брат К. с подружкой, и меня проводили до поезда на вокзале Осера. Я заранее позвонил Венсану, чтобы удостовериться, что он будет свободен вечером того дня, когда я вернусь, я радовался, что снова увижусь с ним. Поезд из-за пасхальных выходных был набит битком; рядом со мной очень некстати села грязная старуха, на которой была наверхена целая куча всякой одежды; она ударила мне по ногам сумкой, бросила ее мне на колени и начала в ней копать, разыскивая вонючие сэндвичи. Потом выудила отпечатанное на машинке письмо, которое я с удовольствием

прочитал: оно было написано деревенским священником прихожанам по случаю пасхальных праздников. Он издавал церковную газетенку, и я прочитал, а затем перечитал, чтобы лучше запомнить фразу, показавшуюся мне очень смешной: «У статуи Мадонны пропал нос. Красавица стала невзрачной». Старуха засунула в раскрытую сумку руку и принялась перебирать четки. Я хотел ударить эту женщину. Я снова подумал о словах Ханса-Георга: «Должно быть, мы попали под несчастливую звезду». Я опустил голову, коснувшись подбородком лацкана черной куртки, к которому всю неделю была прикреплена маленькая позолоченная морская звезда, до мельчайших деталей походившая на настоящую. Она мне безумно нравилась. Может быть, мне безумно нравилось мое несчастье. Несчастливой звездой Ханса-Георга могла быть эта морская звезда; вернувшись домой, я снял ее и заменил на мушкетера-ангела, которого носил последние месяцы перед тем, как надел звезду. Я обнаружил эти брошки в декабре в магазине игрушек в пассаже Вивьен и часто захожу туда посмотреть, появились ли новые. Я купил несколько десятков и отдал Матье*, Эжену**, дочери Т. Есть арфа,

* Матье Лендон – журналист и писатель, сын Жерома Лендона, главы издательства «Минюи», друг Эрве Гибера. Был вместе с ним на вилле Медичи в Риме.

** Эжен Савицкая – писатель, близкий друг Эрве Гибера.

парусник с лилипутской командой, плюшевые медведи, медведи на льдине, сытый кот с взъерошенной шерстью из ангоры, бабочки; недавно на войлочном лотке, где они приколоты, появилась эта морская звезда; после минутного колебания я купил ее вместе с жабой, которую лукаво прикрепил на гульфике розовых трусов и подарил их Венсану. Я узнал, что брошки мастерит какая-то девушка; сделав образец, она изготавливает несколько десятков экземпляров, а потом уничтожает форму, чтобы все фигурки были исключительными, побуждали коллекционировать их и меняться. Я очарован вещицами, которые творит эта девушка, и попробую как-нибудь с ней познакомиться.

13

Вернувшись в Париж во вторник 21 апреля в районе обеда, я жду вечера, чтобы позвонить двоюродным бабушкам. Обычно после нескольких дней отсутствия я либо сразу же навещаю их, либо прихожу в ближайший день обедать. У Сюзанны по телефону чуть ли не недовольный голос из-за того, что я вернулся днем раньше: «О! Ты вернулся! Уже? О! – сразу же продолжает она. – Ты не сможешь завтра придти на обед, твоя тетка Луиза должна сделать кое-какие покупки в Париже. Так что приходи в четверг, как договаривались». После того, как в семь часов вечера Венсан отменил встречу, я ужинаю с Филиппом. В какой-то момент он говорит мне: «В любом случае, ты, конечно же, наследник своей двоюродной бабушки...» Я отвечаю: «Вовсе нет, единственная наследница – Луиза. Очень часто,

когда Луизы нет дома, Сюзанна сама переводит разговор на тему наследства, она говорит мне, что очень обеспокоена: «У Луизы нет ни малейшего представления о ценности денег, и со своим легкомыслием она рискует умереть в нищете, она без конца выписывает огромные чеки “Врачам без границ” и кармелитам... Луиза пообещала мне, что ты и твоя сестра получите наследство после моей смерти, но с ней никогда ни в чем нельзя быть уверенным, она такая простодушная, она позволяет обвести себя вокруг пальца. Как только я умру, она даст себя обобрать кому угодно...» – «Нужно обязательно сделать так, – говорит мне мой друг Филипп, – чтобы изменить завещание: речь не о том, чтобы лишить Луизу наследства, нужно просто, чтобы у нее было право пользования капиталом, а у вас с сестрой было так называемое право собственности без права пользования». Я говорю Филиппу: «Я очень люблю Сюзанну, но ее всю жизнь предавали, и больше всего я боюсь, что сейчас, когда моя привязанность стала для нее единственным утешением перед смертью, у нее возникнут сомнения. Так что предпочитаю ничего не предпринимать, я фаталист...» Странно, как порой можно говорить о вещах, чему-то предшествующих, еще до того, как это случится, словно перед самым событием появляется его запах...

В четверг 23 апреля без пяти час я прихожу к моим двоюродным бабушкам с букетами

желтых нарциссов и тюльпанов и с книжкой японской куртизанки X века Сей-Сенагон «Записки у изголовья», которую прочитал в деревне. Как обычно, я одновременно звоню по три раза в звонки обоих этажей; через просветы тяжелой черной решетчатой двери замечаю чем-то занятых людей, какую-то неожиданную суету, чувствую запах краски. Мне открывают дверь незнакомцы. Я вхожу в сад: повсюду – у входа, на лестнице, в коридорах – люди в малярных спецовках. Погода превосходная, на полуразвалившихся стенах блестит краска изысканных желтых и розовых оттенков. Я думаю: так вот в чем была тайна, очередное скрытничанье моих теток, Сюзанна говорила, что не хочет никакого ремонта, но Луиза ее заставила. Эта-то не потрудилась спуститься, чтобы меня встретить, она ждет меня в коридоре второго этажа, такая естественная, гостеприимная, я напоминаю ей, что мне нельзя ее целовать, опоясывающий лишай почти не опасен, исключение составляют лишь пожилые люди, их он может погубить, известно, как старики выбрасывались из окон, не в силах терпеть боль, тем не менее, Луиза говорит, чтобы я ее поцеловал. Я вхожу на этаж Сюзанны: ковер из-под письменного стола свернут; домработница Софи, которую я как-то раз уже видел, очень приятная молодая женщина с Мартиники, только что закончила работу и перед уходом собирается дать на подпись служебный листок. Стоя рядом с ней возле окна в сад, я не особо знаю,

о чем говорить, и произношу банальную фразу: «Новая краска... свежо выглядит», и она, с недовольной гримасой и сомнением или беспокойством в голосе, смотря на рабочих, отвечает: «Ну да, хорошо, хотя...» Я замечаю Сюзанну, она сразу же мне говорит: «Нам необыкновенно повезло: за всю неделю, что они здесь, ни капли дождя...» Вместо привычной радости от того, что она снова со мной увиделась, я вижу недомолвки, замешательство, холодность. Я задаю вопросы, она не хочет отвечать. Она такая странная, что я спрашиваю себя, не тронулась ли она, пока меня не было. Все это меня раздражает, я начинаю подозревать, что она неискренна, что совесть ее нечиста (полгода назад она заставила меня заняться поисками надежного человека, который мог бы сделать этот ремонт, пригласила его к себе, а потом бестактно устранилась из затеянного ею дела). Чтобы избежать распросов, она только и делает, что повторяет: «Пока я ничего не могу тебе рассказать, нужно подождать, когда закончатся работы, это должно произойти завтра, тогда я смогу все тебе объяснить, но не раньше». Она говорит это настолько упрямо и недружелюбно, что мне хочется оставить ее разбираться во всем самой, чтобы до нее дошло и она извлекла свой урок. В то же самое время я думаю, что на ее настроение влияет беспорядок, оставшийся после работ, и решаю разыграть недовольство, я говорю ей: «Ты недостойна ни этих цветов, ни этой книжки». Она отвечает

мне: «Ох! Цветы... мы уже не знаем, куда их ставить... они накупили их нам на Пасху, и еще купили шоколадное яйцо, они сказали, что мы две пожилые женщины, которых все бросили...» Она, разумеется, делает ударение на этих словах, будто посвящая их именно мне, вот ведь нахалка. Когда я собираюсь уходить, домработница, заметив мое недовольство, смеясь, бросает: «Все же не пытайте ее так сильно!» Настала пора обедать; один из рабочих, огромный тип, вежливо подходит к моей тетке и, наклоняясь, обращается к ней громко, будто она глухая: «Я воспользуюсь тем, что вы будете наверху, чтобы поработать здесь, не беспокоя вас, мне нужно положить мастику на раму вот этого окна, вы не возражаете?» – «Кладите, кладите!» – говорит моя двоюродная бабка, делая широкий жест, который означает: «Возражаю я, не возражаю, какая разница, чего вам стесняться-то?» Мужчина уходит. Я держу Сюзанну за руку, другой она опирается о края мебели. Проходя мимо ее бюро, я замечаю, что документы, на которых очень разборчиво написано «Управление ценными бумагами», разбросаны сверху, словно их просматривали. Я говорю Сюзанне: «Вы все-таки должны быть осторожнее», я беру большой конверт, чтобы прикрыть их. Я подталкиваю Сюзанну, взяв ее подмышки, чтобы помочь ей подняться по лестнице. На последней ступеньке она пошатывается и нервно хватается за перила; эта ступенька пугает ее более остальных, как будто Сюзанна

знает, что последняя ступенька однажды окажется для нее роковой. Я закрываю за нами дверь, распахнутую из-за жуткого запаха инсектицида. Я замечаю, что стол, стоявший у входа, исчез. «Они поставили его в переднюю комнату, чтобы обработать дерево, – признается Луиза, – но мне этот стол нужен, они говорят, что он весь изгрызен, они хотят его сжечь, надо будет сказать им, чтобы поставили его на место». Сюзанна вцепляется в мою руку необычно сильно; она всегда держится за нее крепко, но мягко, словно это самая надежная опора, сейчас же мне кажется, что она хочет ее вырвать, пытается причинить мне боль. Она пробует повернуться всем телом, из всех сил тянется к моему уху, притягивает меня поближе к себе, грубо дергая за руку, то мертвенно бледнея, то вдруг багровея, и отрывисто и текуче, одновременно шепча и заывая, вдруг выпаливает: «Все это совершенно незаконно!» Я никогда не видел ее такой: она стала совсем иной женщиной, сумасшедшей, хотя выглядит при этом вполне благо-разумно. Я, расхохотавшись, утрирую свою реакцию: «Стоит ли устраивать из этого такую тайну! Когда напротив столько соседей, и они все видят...» За столом я спрашиваю: «Эти рабочие пришли вывести садовых паразитов?» – «Нет-нет», – отвечает Луиза обеспокоенно и, дабы прекратить всякие разговоры, произносит с непривычным упрямством в глазах: «Это старые друзья». – «Чьи друзья?» – спрашиваю я. – «Друзья», – отрезает она со

злостью. У нее этот неподвижный и несколько безумный взгляд, который я заметил двумя годами раньше, когда врач прописал ей слишком сильные успокоительные, хотя ее природная нервозность странным образом сочеталась с невероятной медлительностью. После кофе, когда прошло часа полтора, я прощаюсь с Луизой, и мы с Сюзанной спускаемся на ее этаж. Я предусмотрительно закрываю двери и окна перед носом у рабочих, которые трудятся в саду и явно следят за нами. Я спрашиваю у Сюзанны: «Вы договорились о цене за работу?» – «Не говори мне об этом, – удрученно отвечает она, – умоляю, пойми, что я расскажу тебе об этом в воскресенье, когда все закончится, поскорее бы все это осталось позади!» Я говорю: «Ты помнишь, год назад ты заказывала подготовить смету, на сколько она была?» – «Хорошо, иди сюда, – она ведет меня к бюро, – и скажи, сколько там было, я все путаю с этими новыми франками...» Смета подряда лежит в ящике на самом виду поверх стопки других документов: она ее уже приготовила. Это две соединенные скрепкой страницы, на которых я не нахожу общей суммы, я складываю в уме сразу несколько чисел, и – точность сейчас не так важна, в этот момент мне кажется, что нужно все делать быстро, – сообщаю ей приблизительную сумму: «Около шестидесяти тысяч франков, шесть миллионов старыми». Она опять вцепляется в меня и, притягивая меня поближе к себе, такая маленькая и хрупкая, словно стойкая

фарфоровая вазочка, шепчет: «Учти, что мы уже отдали по крайней мере в десять раз больше!» – «Как так?» – «Вчера начальник отвез Луизу на машине на центральный почтамт на рю дю Лувр, мне никак не удается узнать, сколько она отдала ему, она совсем из ума выжила, я умоляю тебя никому об этом не говорить, ни одному из твоих друзей, ты мне обещаешь, ведь правда?» Она снова валится в кресло, я говорю ей: «Сиди здесь, успокойся, все пройдет хорошо, я пойду поговорю с Луизой, сейчас вернусь, не волнуйся». Я снова поднимаюсь к Луизе, снова встречаюсь с рабочими в коридорах, снова закрываю за собой распахнутую дверь, иду закрыть окно на кухне, не спеша говорю Луизе: «Я должен поговорить с тобой пару минут, садись. Сколько ты уже отдала этим людям?» Она отвечает: «Я не знаю, я тут не хозяйка, я всего лишь прислуга, поговори об этом с твоей теткой, но учти, Эрве, что если ты что бы то ни было предпримешь, то потеряешь мое доверие, я больше никогда не буду тебе верить, я брошу из-за тебя твою тетку, она немощная, ты знаешь, что она не может жить без меня, без меня она умрет, и ты будешь виноват». – «Мне все равно, потеряю я твое доверие или обрету, мне все равно, бросишь ли ты Сюзанну, найдем кого-нибудь, чтобы тебя заменить, но скажи мне, сколько денег ты отдала этим людям». – «Нет, я не могу тебе этого сказать, это было бы против моей совести». Я оставляю ее и быстро спускаюсь к Сюзанне. В коридоре

возле окна, с кистью в руках, толстяк, который только что следил за моим хождением взад и вперед, поворачивается, чтобы дать мне пройти, говорит, улыбаясь, грозя коснуться кисточкой моего пиджака: «Может быть, желаете небольшое серое пятнышко на вашем черном костюме?» Я отвечаю: «Какая потрясающая идея!» и подставляю ему лацкан моего пиджака. Я намекаю, что он богат. Он смотрит на брошь, на мушкетера-ангела. Если бы он увидел морскую звезду, то превратил бы меня в гастропода*. Судьба морских звезд в том, чтобы их истязали под солнцем дети. Я не должен был позволять коверкать мое кельтское имя, означающее «хороший боец».

21

Кажется, какой-то толчок еще глубже погрузил Сюзанну в мягкий бархат кресла, из которого она больше не может самостоятельно выбраться. Она говорит мне: «Только что прошел начальник, он спросил меня: “Надеюсь, вы ничего не сказали вашему племяннику?” – “Разумеется, ничего”. – Он ушел, сказав мне: “Я вам верю”». В эту минуту я не знаю, как действовать, вероятно, мне страшно, но я лавирую в бессознательности этого страха, в его невероятных доводах, в его холоде, в его спокойствии: уже миновала угроза, что страх победит, станет еще больше и спалит сердце,

* Морские звезды питаются в том числе и гастроподами, иначе – улитками.

дестабилизирует течение жизни, будто цунами, увлечет ее немыслимо далеко от всех ориентиров; в решающий момент опасности страх освобождает сознание от принятия решений, он сам распоряжается ситуацией. Я снова смотрю в окно: никого больше не видно. Гангстеры приняли решение вместо меня: они дали тягу. «Они сбежали, потому что ты – мужчина», – говорит мне Сюзанна. Во внезапно наставшей тишине остался только разбросанный инвентарь, выставившийся напоказ, как «Украденное письмо» По: большие металлические приставные лестницы, полные или пустые банки краски, табуретки. Тем временем появляется Луиза, на ее изможденном лице какое-то новое выражение, все тот же злой упрек по отношению ко мне, но еще и первый намек на освобождение и, наконец, заметный теперь страх; она говорит: «Они ушли, – (тон ее подразумевает: это все по твоей вине), – они мне сказали: “Что-то не так, не правда ли?” – Я сказала: “Да, что-то не так, я вас предупреждала, это все из-за последнего чека...” – Толстяк мне перед этим сказал: “У вас такой симпатичный племянник”». Я оставляю своих теток, я думаю, что один из гангстеров поджидает меня либо в гараже, либо на улице, и будет угрожать или начнет следить за мной, я чувствую себя готовым смело встретить угрозы и уйти от преследователя. Когда я прохожу мимо темного входа в гараж, ничья рука меня не хватает, я бросаю взгляд под навес, пустынный с тех

пор, как оттуда убрали «симку»: картонки со счетами, два плетеных кресла, разбросанные инструменты, оставленные гангстерами, бочки с инсектицидами, защитные маски. Еще раз оглядываюсь направо, налево на улице, опустевшей из-за жары: ни одного прохожего, ни одного грузовичка, припаркованного во втором ряду. Пытаюсь представить, к кому из друзей обратиться за помощью, я больше не чувствую себя способным в одиночку совладать с этой ситуацией, пару минут назад я был спокоен, теперь сердце бьется с невыносимой скоростью. Я думаю о Филиппе из-за его ковбойских черт – осторожности, благоразумия и стойкости; он, хотя и занимал серьезный пост, сумел выпутаться из паленого дела. Я сажусь в автобус, едущий к его офису, ищу среди пассажиров, а потом среди прохожих лица, которые мог бы узнать: смуглый мужчина, сошедший вслед за мной, останавливается на перекрестке, идет вперед, затем обратно, смотрит на меня, спускается по ступенькам к входу в метро, поднимается назад, переходит улицу и оборачивается на меня в то самое время, когда я слежу за ним взглядом. Я звоню в домофон, спрашиваю Филиппа, секретарша говорит: «Второй этаж, справа», затем открывает дверь. Я поднимаюсь, я знаю, что секретарша заметит, что я возбужден, я пытаюсь успокоиться, она говорит мне, что Филипп на совещании в другом здании, что он вернется к шести часам, я говорю ей, как меня зовут, добавляю, что сам подойду к

этому времени или позвоню. Я ловлю такси: я еду к Т. Он на встрече, я вхожу в его кабинет, извиняюсь перед посетителем, говорю, что это форс-мажор, что он должен выйти, и закрываю за ним, разинувшим рот, дверь. Я рассказываю обо всем Т., говорю, что мне нужно положиться на его помощь, хотя бы немного ослабить это нервное напряжение, чтобы он взял все в свои руки; я едва могу продолжать разговор. Он звонит в банк моих двоюродных бабушек, ответственный за их счета находится в отпуске, он разговаривает с его заместительницей, объясняет ситуацию, просит приостановить все операции до получения нового распоряжения. Потом мы садимся в такси, чтобы отправиться в окружной комиссариат. Мы даем пройти вперед старой женщине в тщательно расчесанном парике со слишком розовым пробором. Она шатается на очень высоких каблуках и сжимает в руках маленькую сумочку. Ее пропустили в первое отделение, она описывает, как один мужчина, ремонтировавший ее дом, вымогал у нее две тысячи франков. Полицейский ее почти третирует, как и тот, что слушает нас, до тех пор, пока, не веря, не заставляет нас повторить цифры: «Да, между шестьюстами и восьмьюстами тысячами франков». – «Старых, конечно же». – «Нет, нет, новых!» С этой минуты – боевая тревога. «Ничего себе, но это просто огромная сумма, это огромное дело, это уже не от нас зависит, а от угрозыска. Они заставляют нас давать показания, а потом говорят,

что сделано все плохо и нужно начинать заново. Я лично туда не пойду. Да, но надо послушать месье, записать первые показания. Отправить кого-то сейчас же к его теткам, кого-то назначить, кого мы можем назначить? Этот, как бишь его, в отпуске. Вот ты, ты смог бы пойти? Я? Мне есть чем заняться... Ты сам-то не хочешь туда пойти?» Пока они тянут, полицейский азиатского вида, который делает записи, слушая мой рассказ, просит меня описать, как выглядели рабочие: «Арабы?» Я говорю, что не знаю, я не притворяюсь, просто я не распознаю типы рас, как и не различаю возраст. Шпик несколько раздражается, я говорю: «Мужчины с черными волосами, это все, в чем я уверен, между двадцатью пятью и сорока годами, выглядели, как... средиземноморские жители». Полицейский взрывается: «Но в конце-то концов! Почему вы сразу же нам не сообщили?» – «Боялся ошибиться». – «Мы бы их тут же поймали». – «Да, но я не Джеймс Бонд». Полицейский с желтой рябой кожей по-прежнему не верит своим ушам: «Шестьдесят миллионов! Да как же такое возможно?» И потом говорит мне, это он – мне, как будто своему другу, словно некую сближающую нас тайну: «И то правда, в конечном итоге, мы оба еще молоды, но, когда нам будет столько же лет, кто знает, не дадим ли мы себя обобрать таким же образом?»

Нам отрядили молодого инспектора в джинсах и кедах, красивого парня, как ска-

зали бы мои тетки, и этого ворчливого бородача, у которого свои счета с угрозой. Мы с Т. садимся на заднее сиденье машины с антенной. Она притормаживает на улице, где живут мои тетки, я замечаю измочаленную Луизу с черной хозяйственной сумкой в руке, возвращающуюся из магазина. Для нее жизнь продолжается как обычно. Я говорю полицейским: «Надо быть осторожными, ее никто не предупреждал, она наверняка будет в ярости». Пока машину паркуют, я выхожу, чтобы окликнуть Луизу, прежде чем она закроет дверь, я говорю ей: «Я пришел с Т. и людьми из полиции». Она: «Делай, что хочешь, меня это не касается, я тут не хозяйка, я всего лишь прислуга, говорите с твоей теткой, мне сказать нечего», она скрывается из виду. Полицейские подтверждают, что работы по покраске выполнены, осматривают оставленные предметы, я провожу их на этаж Сюзанны. Для нее жизнь тоже продолжается как обычно: она спокойно читает, погрузившись в свое кресло, она нисколько не притворяется, она действительно читает и больше не думает о той истории, которая держала ее в тисках двумя часами раньше. Увидев, что я вхожу, она удивленно спрашивает: «Смотри-ка, а как ты вошел? Книжка, которую ты мне принес, невероятно занятная...» Сюзанна беспрекословно отвечает на вопросы полицейских, она достает из карманов халата разные собранные ею доказательства: выписки сберегательной кассы, конверт, на обороте которого она на-

чала подсчитывать выманенные суммы, так называемый документ на подряд, на котором начальник написал свою фамилию. В течение недели она вела свое собственное расследование. Как все это было возможно? «Когда они вернулись после первого уик-энда, начальник сказал: “Если ваши садовые деревья заражены так сильно, нам нужно проверить дерево внутри дома, балки, стропила, их источат черви, однажды они обвалятся вам на голову”. Они поднялись на чердак, проверили кровати. Когда они дошли до двери шкафа, начальник сказал: “Здесь есть трещина, вот она, мы ее замажем, у нас тут есть гипс...” Я спросила у него удостоверение личности, он мне ответил: “Я, разумеется, уже показал его вашей сестре”; я спрашиваю у сестры, и она протягивает мне этот буклет с написанной вот тут фамилией, – “месье Бернар”, – вымышленной, разумеется. Между собой они никогда не называли друг друга по фамилии и именно поэтому не хотели чеков, они всегда говорили: “Главное, никаких фамилий!” – Мы должны были ходить в банк снимать деньги по чекам, выписанным “на себя”, приносить деньги сюда и отдавать им. Начальник был очень мил, он брал меня за руку, на Пасху он принес нам цветы и шоколадное яйцо, он сказал: “Мы все скинулись, чтобы две старушки не чувствовали себя в этот праздничный день слишком одинокими”. У него были небольшие усы, очки, цвет глаз я не помню, а у толстяка был шрам на щеке, не смогу ска-

зять, на какой именно. Тот, что помоложе, все время повторял: “Я понесу вас, мадам! Я понесу вас на своих руках, когда мы закончим работу, чтобы вы сами увидели, как мои рабочие хорошо все сделали!”» Рассчитывал ли он столкнуть ее с лестницы? Упасть вместе с нею? Происходит несчастный случай, вызывают машину скорой помощи, Сюзанну увозят в больницу, ее сестра должна пойти ее навестить, путь для перевозки вещей из дома свободен. Мы поднимаемся повидать Луизу; входя в комнату, Т. поражается необыкновенно сильному, как ему кажется, запаху инсектицида, очень вредного, по его мнению, – они рассчитывали уморить ее таким образом? Луиза вяжет в кухонном кресле, вначале она отказывается говорить, она излагает мысли очень медленно, на нее давит, что от нее хотят особенной внятности. «Да, это был симпатичный мальчик, очень белые зубы. Никогда ни одного неуместного слова, никогда не грубили, все движения очень плавные. Несмотря на жучка-дровосека, он сберег ветку, на которой было гнездо моей дроздихи... Между собой мы его звали садовником, именно он занимался садом, а толстяк – покраской. Он сказал мне, что четыре года учился в Версальской школе. Все эти горшки с цветами, которые он поставил в саду, – он так хорошо все делал! Бедный. Ох, им обоим не повезло в жизни, жена толстяка умерла от рака в жутких страданиях, а у него, у молодого-то, сын трех лет, с двойной заячьей губой, и не-

известно еще, сможет ли мальчик ходить. Он очень о нем заботится, именно поэтому его не было тут сегодня утром, он пошел отвести его в специальное учреждение около Денфер-Рошро. Вы бы видели, когда я вернулась из банка и сказала, что денег с собой нет, потому что служащий не смог за двадцать четыре часа высвободить такую сумму, как он обхватил свою голову руками и застонал: “Мой ребенок! Мой ребенок!” Тогда я подумала, что пока можно им отдать бонны казначейства, они лежали сверху в моем шкафу, он видел, откуда я их брала, но сам ничего не трогал, о нет, этого не было, мы в этом абсолютно уверены, мы были очень внимательны, они сами ничего не брали. Он был так мил, что проводил меня вчера до сберегательной кассы на рю дю Лувр, он остался снаружи, нет, он припарковался довольно далеко, к тому же, чтобы потом отыскать машину, нужно было минут пять идти, а дальше, когда мы ее нашли, ему выписали штраф в двести тридцать франков. Должно быть, он не знает Парижа, – (или он притворялся, что не знает его?), – он не знал, где находится рю дю Лувр, он раз пять спрашивал дорогу. Машина? Ох, я не смогу вам сказать, уже, должно быть, больше двадцати лет, как я не садилась в машину, с тех пор, как продали аптеку, я ему об этом сказала, он был очень великодушен, мы совершили с ним небольшую сверхурочную прогулку, он сказал Сюзанне, что отвез меня на площадь Согласия, но, вероятно, он вообще в этом не

разбирается, так как мы ездили к Эйфелевой башне... Нет, служащие в банке и в сберегательной кассе не нашли в этом ничего странного, я клала пачки в свою хозяйственную сумку, мы их вместе пересчитали, и девушки мне сказали: “Вы не боитесь все это брать с собой?” – Вовсе нет! Чего мне бояться? Я боюсь всего двух вещей: огня и пьяных мужчин, я их повидала во время войны четырнадцатого года, они были ужасны, отвратительны... Начальник не захотел пересчитывать купюры, только пачки, он нам доверял...» Затем Луиза нас оставляет: она должна идти в церковь на службу.

Луиза всегда влюблена. Ее любовные истории превосходят все полицейские анекдоты. В свои восемьдесят лет Луиза так и осталась девственницей. Ее тело никогда не имело близости ни с мужским телом, ни с женским, однако каждый вечер ее губы обсаывают тело Христа, ее язык задевает пальцы священника, она сетует, что теперь облатку в церкви кладут в ладонь, и она отказывается к ней прикоснуться, она хочет, чтобы облатку клали ей прямо в рот, она упрямо высовывает перед священником язык и прячет руки за спину, чтобы священник повиновался. Луиза рассказывает, что, когда была совсем юной, во время войны четырнадцатого года, – ей было девять лет, – она была потрясена, увидев пьяных солдат, машущих членами, выпростанными из-под расстегнутых шинелей.

Однажды Сюзанна мне сказала, что сексуальное воспитание Луизы по-прежнему маячит где-то в перспективе, и что, великий боже, ей не хватает смелости. Домработница только что жаловалась, что жители ее пригорода никак не защищены, мэр ни на что не способен, девушек постоянно насилуют, и был даже случай, когда на лестнице содомизировали маленького мальчика... «А как можно “содомизировать мальчика”? – спросила Луиза, удивившись неизвестному выражению. – Что это означает?»

31

Луиза не любит, когда ее целуют; в конце концов, она все-таки свыклась с моими поцелуями, но каждый раз до и после вытирает свой рот носовым платком. «Старики, – часто говорит мне Сюзанна, – они как дети, им нужно, чтобы их приласкали, но никто ведь этого не делает...» Начальник-то это умел. Он трогал Сюзанну за руку, он прокатил Луизу на машине. В небесно-голубом фургончике, с двадцатью миллионами по-старому в пачках из пятисотфранковых бумажек, которые лежали у нее на коленках, Луиза вновь увидела Париж, впервые за двадцать лет. Она должна была быть просто в восторге. Согласилась ли и она, чтобы начальник взял ее за руку? Однажды вечером три месяца назад, когда она выходила из церкви, с ней заговорил какой-то молодой человек и потом расцеловал ее. Луиза сразу же нам об этом рассказала, но, когда в следующий раз по окончании службы он хотел сделать то же самое, Луиза ему

запретила. Я спрашиваю у Луизы, не оказались ли случайно начальник и молодой человек одним и тем же лицом. «О нет, – отвечает Луиза, – молодой человек выглядел как-то не совсем нормально, он сын одного из местных почтовых служащих...»

32

Тем временем появились собраты из угрозыска, это уже другие люди, более быстрые и вместе с тем более равнодушные, им не нужно, как их местным коллегам, опускаться до того, чтобы копаться в различных вещах, их гениальный взор сразу же обнаружил, что не так, их охотничий нюх, словно компьютер, отличил ложные улики от настоящих. Комиссар осматривает в гараже инвентарь. Он вынес свое свидетельство о проделанной за неделю покраске, он объявил: «Никогда такого не видел». Он провел пальцем по серой краске: «В любом случае, это не профессиональные маляры!» В гараже: «Смотри-ка, смотри-ка, а это еще что за штука? Коробка... Какой-то футляр?.. А! А! Это часы... вот гарантийный талон... О! в любом случае, он должен был назвать выдуманную фамилию и заплатить наличными... 22 апреля, он купил их вчера... Да, они любят золото, эти португальцы... Половина из них португальцы. Арабский лавочник с угла только что нам рассказал, они именно там делали свои покупки» (Луиза все удивлялась, что они покупают сэндвичи по десять франков за штуку, тогда как выгодней просто вложить в багет кусок ветчины). Полицей-

ские предупреждают меня, что завтра утром придет «дактилограф», к инструментам прикасаться не надо, выпитые пивные бутылки специально отставили в сторону в маленькой комнатушке: дактилографом они называют не секретаря, печатающего показания, а представителя службы, которая занимается отпечатками. Симпатичный молодой здешний инспектор говорит мне: «Постарайтесь сегодня вечером успокоить ваших тетюшек, не возвращайтесь к этой истории, поговорите с ними о чем-нибудь другом, и завтра утром между девятью и десятью мы придем, чтобы взять показания, вашим тетюшкам нужно подать жалобу, это очень важно».

33

Сюзанна говорит мне: «Луиза сошла с ума, она готова лишиться последнего су, последней рубашки ради этих гангстеров. Я боюсь худшего. Что мы можем тут сделать?» Я ловлю мяч на лету, пользуюсь случаем, чтобы вставить в наш вечерний разговор то, что накануне сказал Филипп: «Речь ведь не о том, чтобы лишить Луизу наследства, ты стольким ей обязана, нужно просто позаботиться о том, чтобы она не растратила твои деньги на благотворительность или же под давлением семейного шантажа. Так как ты хочешь, чтобы эти деньги достались мне и моей сестре, тебе остается лишь сделать Луизу своей наследницей, имеющей право пользования имуществом, и у нас тогда будет собственность, на которую права пользования не будет, Луиза

станет получать с нее прибыль, на которую проживет, а мы с сестрой после ее смерти унаследуем состояние...» В этот момент я допускаю ошибку: это не совсем я говорю, это говорит моя растерянность, это мои столь рассудительные друзья, которые всегда мне возражают: быть фаталистом не имеет никакого смысла, нужно твердо стоять на земле! Сюзанна, себе на уме, проверяет меня: «А что нужно сделать?», – спрашивает она. – «Нужно лишь подписать документ, я пойду расспрошу нотариуса. Сделаем это прямо сейчас, так будет вернее». Сюзанна артачится: «Нет, – говорит она, – у нас нет времени, Луиза скоро вернется со службы, она может застать нас врасплох». Я попадаю в какую-то психологическую яму; прямо при Сюзанне я звоню Венсану, я спрашиваю его: «Ты завтра вечером свободен?» Он говорит мне, что нет. «Ты хочешь, чтобы мы уехали на выходные?» Он отвечает: «Может, и да» тоном, который означает: «На этот раз я серьезно». Сюзанна остается с носом из-за того, что я так вот откровенно ее бросаю после своего предложения. Я хочу выбраться из этой ситуации.

Луиза возвращается из церкви. Я говорю ей: «Ну что, помолилась за своих гангстеров? Чтобы их никогда не нашли?» – «Вот именно, – отвечает она, – но я, как и каждый вечер, молилась и за тебя... В любом случае, – добавляет она, – я ни о чем не жалею, мы неплохо позабавились». Этот ужас ее позабавил. Я говорю ей: «Ты хочешь стать мадонной мо-

шенников? Прежде чем перерезать горло ребенка или старухе, они перекрестятся, шепча твое имя...»

Я не существую. Я не внучатный племянник своих двоюродных бабушек. Мои размышления не смогли обречь банду на неудачу. Я вижу продолжение истории: Луиза стала союзницей мошенников, она помогает им истязать Сюзанну, подает им плоскогубцы, иглы, горящие головешки, веревки, стирает тряпкой кровь с инструментов, бессловесная, с навсегда бесчувственным лицом, с помощью подписей она добивается того, что ее сестра лишается своего состояния, всего дома, потом сама бодро подписывает свой отказ, уезжает вместе с гангстерами, сидя сзади на огромном мотоцикле, цепляясь за покрытые татуировкой руки, расплетает свои белые волосы, чтобы они летели по ветру; возле оврага гангстеры с легкостью от нее избавляются.

Теперь я остался один со своими двоюродными бабушками. Один на один, я бы даже сказал. Я решил переночевать у них; почему знать, может быть, я сам побаиваюсь оказаться вечером в полном одиночестве у себя дома; когда полиция рядом, ничем не рискуешь, было бы невероятным, если бы гангстеры попытались забрать свое оборудование, хотя они и приготовили в гараже разные брусья и перекладины в надежде воспользоваться ими, когда будут ломать двери и проворно опустошать особняк. Молодой инспектор,

уходя, оставил мне номер телефона, можно звонить ночью в случае крайней необходимости и дозвониться из любого места квартала быстрее, чем по номеру 17.

36

Сюзанна ужинает протертым супом и фруктовым пюре. Луиза съедает полплитки молочного шоколада и половинку камамбера. Я ем то же, что и Сюзанна; суп из пакетика похож на настоящий, а настоящее фруктовое пюре – на консервы. С кроватью проблема: где мне спать? «Не с Сюзанной, – говорит мне Луиза, – ей нужно место, чтобы переверачиваться, к тому же это было бы неудобно. Нет, ты будешь спать в спальне рядом с моей. Там, где спала твоя мать», – подчеркивает она. Нужно застелить постель, там по-прежнему лежит старое белье, его не меняли месяцами, годами, я приподнимаю одеяло и вижу извивающегося червяка. Я включил свет в комнате, но перед этим позаботился, чтобы меж занавесок не осталось зазора, проверил три раза подряд, я представляю, как гангстеры с улицы следят за моей тенью. После ужина я говорю Луизе, что приму ванну. «Да? – говорит мне она. – Ах, тогда надо включить колонку...» Она стучит по ней, долбит, можно подумать, что ей не пользовались со времен потопа. На дне раковины стоит мыльная вода: все нужно использовать. Вместо туалетной бумаги лежит бумага, в которую заворачивают багеты. Каждый год я на Рождество дарю бывшей кармелитке разные средства по уходу

за телом: шампуни и ароматические масла от Герлена, я не нахожу и следа этих флаконов; может быть, она поставила их в шкаф? Луиза идет уложить Сюзанну, потом моет посуду. Она умоталась. В последние месяцы у нее стали совсем маленькие глазки. Она скользит по темному дому с открытыми в жаркую ночь окнами от одной комнаты к другой, выключая везде за собой свет. Она не зажигает на крутой лестнице лампочку с таймером, зачем это ей, она ведь все равно не может сломать позвоночник, так как ее спасет корсет, она всегда говорит: «Чтобы я сдохла, мне придется врезать дубиной по голове». Гангстеры, может быть, это уже усвоили.

Для меня это адская ночь, какой-то почти запредельный опыт, опыт всеобъемлющего страдания, которое просачивается повсюду, в самые потайные места. Я не просто не могу сомкнуть глаз, абсолютно все сделано так, чтобы эта ночь оказалась для меня пыткой: из-за всех этих событий у меня не было времени купить глиняные компрессы, которые посоветовала мне Агата*, чтобы они облегчили

* Возможно, Агата Годар, главный редактор журнала «20 лет», в котором Эрве Гибер начал работать еще в юности. Со временем они стали близкими друзьями. Годар в своих воспоминаниях говорит, что была единственной женщиной, с которой Гибер мог представить любовную историю. Писатель делился с ней самыми интимными тайнами. Позже Агата Годар стала работать в журнале «Пари Матч».

боль; опоясывающий лишай щиплет, жжет, царапает кожу под майкой, невероятно надомной издеваясь. Я дрожу от ужаса, когда заставляю себя вспоминать о прошедшем дне. В спальне Луизы переговорное устройство трещит, стучит, плюется, орет, свистит, булькает, замолкает, словно злобный зверь, чтобы я мог провалиться в недолгое забытье, совсем недолгое, ибо оно замолчало лишь, чтобы снова заговорить с удвоенной силой, мои нервы рвутся пуще прежнего, и на этот раз оно словно бы грохочет стульями, вытанцовывает польку, чихает, выхаркивает то ли свои легкие, то ли батарейки в нескончаемом приступе кашля. Я вдруг понимаю, отчего стали такими маленькими глаза Луизы. Я понимаю даже, почему она открыла дверь этим гангстерам, и все то, что случилось после. Она живет на голгофе. Она любит свою голгофу. С этим переговорным устройством, которое рушит ее ночной сон, ее преданность и самопожертвование становятся еще удивительнее: лестницы, по которым она весь день то поднимается, то спускается, эти стертые ступени, бутылки с водой, которые нужно носить в хозяйственной сумке, очереди на рынке, кухня, одевание Сюзанны, таскание на руках ее шестидесятикилограммового тела, чтобы она хоть как-то двигалась, а не только сидела в кресле... «Ваша сестра просто святая», – говорят соседи Сюзанны. Я добавляю: «Луиза, я отвезу твои останки на площадь Святого Петра, чтобы тебя там канонизировали». Отны-

не в моем досье есть новые доказательства: сумасшедшее переговорное устройство стоит разверстой львиной пасти; нацисты производили опыты по схожей системе: лишали людей рассудка и жизни посредством механического прерывания сна. От такого опустошения можно сдохнуть. Есть только вот эта мука от переговорного устройства, и есть голгофа, на которой можно принести себя в жертву человеку с белыми зубами, отцу мальчика с двойной заячьей губой. И голгофа становится еще величественней, если подозреваешь, что этот человек гангстер и лгун, а над милосердием все глумятся. Когда я спросил Луизу, молилась ли она за гангстеров, она, отвечая, прибавила: «Как маленькая Тереза, которая тоже молилась, ну, ты знаешь...» – «Да, – сказал я, – за Пранзини, преступника, осужденного на смерть, это общеизвестно*...» – «И что ж, перед палачом, – сказала мне Луиза, – Пранзини уверовал в Бога...» Не значит ли это приговорить себя к самой возвышенной из всех казней: предать чужое доверие и по

* Речь о святой Терезе из Лизье и убийце Энрико Пранзини. Четырнадцатилетняя Тереза Мартен случайно узнала о нем, услышав чужой разговор: Пранзини никоим образом не раскаивался в убийстве двух женщин и ребенка и отказывался принять помощь священника. Маленькая Тереза горячо молилась о спасении его души и просила подать знак, что ее молитвы услышаны. Вскоре после его казни она прочитала в газете, что Пранзини поднялся на плаху, отказавшись от исповеди, но в самый последний момент уверовал и трижды поцеловал Распятие.

зову сердца, повинуюсь угрозам, бросить старую немощную сестру, заботе о которой было принесено в жертву сорок лет собственного существования?

40

Полугодом раньше, однажды ночью, собираясь встать с постели, чтобы сделать пипи, Сюзанна поскользывается, теряет равновесие и остается висеть, зацепившись за край матраса, хватаясь за него из всех сил, она представляет уже, как лежит на полу с переломанными костями, она вопит, Луиза ничего не слышит, Сюзанна держится за матрас и кричит несколько часов кряду. Когда на следующий день она, исстрадавшаяся, рассказывает мне об этом, я беру дело в свои руки: самым простым будет, если Луиза станет спать у Сюзанны в спальне, но Сюзанна-хозяйка любит особый комфорт, а Луизе-служанке тесное телесное соседство мешает молиться. Нужно придумать что-то еще, мой врач говорит: «женское судно», Т. говорит: «переговорное устройство, которое можно подключить к сети». Я пересекаю весь Париж, чтобы купить судно, а затем переговорное устройство. Сюзанна не хочет пользоваться судном, она говорит, что из-за артроза суставов не сможет как следует раздвинуть ноги, все видимые знаки приготовления к старческой дряхлости внушают ей отвращение; я объясняю им, как нужно пользоваться переговорным устройством, это целое дело. Спустя несколько дней Сюзанна говорит мне с таинственным видом:

«Со мной пытаются войти в контакт!» – «Кто это? Твой усопший супруг?» – «Нет, какие-то люди... это точно, они тоже купили себе переговорные устройства, чтобы связываться со мной по ночам». – «Ты веришь в подпольную сеть по ночному обмену партнерами?» Ее раздражает, что я смеюсь: «Я не могу рассказать тебе об этом подробнее», – вот, как она, с весьма скрытной миной, заканчивает дискуссию. Как уже много раз было, Луиза жалуется на этот ночной гам, и я, в конце концов, отношу переговорные устройства торговцу. Он подключает их к своим розеткам, вертит в разные стороны. Ни малейшего звука. Я настаиваю, пересказываю ему то, что говорят мои тети. Внезапно он находит решение: это потому, что мы по-разному вставляем вилки: «Посмотрите, тут есть полюса, здесь плюс, здесь минус, достаточно лишь вставить обе вилки в одинаковом направлении, и вы ничего больше не услышите». Я победоносно возвращаюсь с переговорными устройствами, правильно их подсоединяю, объясняю своим тетям, как они должны с ними обращаться, мы некоторое время ждем, аппараты больше не издают никакого шума. Кажется, что мои тети поняли; я опасаюсь только одного: выключая приемники по утрам, чтобы экономить электричество, вечером они могут подключить вилки неправильно. Этой ночью, изнуренный чертовыми устройствами, я подозреваю, что Луиза нарочно подключила все наоборот; чтобы побольше пострадать, что-

бы жить на пределе на своей голгофе. Разве это не божественно – уронить на рану судьбы несколько капелек кипящей смолы? Этой кошмарной ночью я переполнен ужасающей жалостью. Чувствовал ли я ее когда-нибудь столь сильно? Нет, никогда, это что-то чудовищное, я воздаю должное единственным словам, которыми могу воспользоваться, чтобы все объяснить, освобождая их от привычной банальности: это в точности именно так, это мучительно, это душераздирающе.

Вот о чем я опять думаю: две старые женщины, оставшиеся без денег, предоставленные сами себе, целую неделю терроризируемые восемью гангстерами, почувствовали, как их атакует дряхлость. За несколько месяцев все постепенно переменялось. Это началось с пробежавшей по саду крысы, которая потом пробралась в дом, совершенно не боясь Луизы, молниеносно шныряла у нее под ногами, отвергла отравленное зерно, вновь спустилась на этаж Сюзанны, жила в ее дырявом матрасе и выдала себя, обгрызя круассан, предназначенный для воскресного завтрака. С тех пор, чтобы избавить его от посягательств грызуна, круассан подвешивают в прозрачном пластиковом пакете возле окна, может быть, еще и для того, чтобы не забыть, что этот круассан существует и его нужно съесть не для того, чтобы утолить голод, или потому, что он вкусный (Сюзанна говорит, что не чувствует больше ни того, ни другого),

а чтобы неизменно покупаемый сытный продукт не прогорк. Сюзанна очень боится провалов в памяти; ее редкие передвижения по дому теперь обозначены бумажными клочками, оторванными от старых конвертов, рассыпанными тут и там, на которых она написала невероятные слова, которые, следуя нелогичному ходу мыслей, повыскакивали у нее из памяти и целыми днями и бессонными ночами она пыталась их вспомнить. На памятках написано: «жимолость», «Аркашон», «гелиотроп», «Шаляпин». Беспольные, неиспользуемые слова, которые одержимо мусолят, в конце концов воссоздают некую жизненную сцену, какой-то случай, безумную картину, которая занимает место истинной жизни; мало-помалу, с потерей рассудка, крушение которого беспрестанно оттягивается лекарствами, ключ ко всей жизни рискует свестись к одной фразе: «Среди зарослей жимолости в Аркашоне Шаляпин нюхает букет гелиотропа»...

43

Измотанный, я встаю в десять минут девяти, я снова надеваю одежду, в которой накануне из-за всех этих дел обливался потом. Луиза протягивает мне кастрюльку с холодным кофе, который я должен подогреть, меня трясет, я пытаюсь сгрызть пересоленное печенье, но тут же его выплевываю. Сюзанна спала, как младенец, и чувствует себя великолепно, она терпеливо ждет прихода полицейских. Я спускаюсь открыть им около половины деся-

того: первыми появляются два местных инспектора, молодой и симпатичный с печатной машинкой в руках и тот, что постарше и выше чином, который здесь еще не был и вчера говорил в комиссариате: «Они бы высали им все кости». Тот, что постарше, берет и записывает мои показания, в то же самое время молодой, улыбаясь, терпеливо, говоря громко и внятно, спрашивает Сюзанну. В своих ответах, которые я диктую инспектору, я силюсь быть лаконичным и собрать как можно больше сведений, подбирая самые точные слова, дабы ничего не исказить. Полицейский их повторяет и старается перевести на язык показаний, и ясные, четкие слова при этом приобретают двойной смысл, становятся путаными, тогда я вежливо начинаю настаивать на своих формулировках, инспектор раздражается; продолжая записывать, он порой не сдерживается, бурчит сквозь зубы: «Вот подонки, подонки! Нападать на старушек! Они же все равно, что дети! Я бы таким вот сразу сносил голову!» Я осторожно говорю ему: «Это, наверное, немного чересчур? Ведь никакого физического насилия не было... насилие только моральное...» Это, разумеется, заставляет его метать громы и молнии: «Вы это мне рассказываете? Я такого уже повидал! Только моральное насилие! Только-то и всего! Я видел, месье, как бедные старушки при подобных обстоятельствах сходили с ума, а вы знаете, что это значит, сойти с ума? Ах, подонки! Если я их поймаю, поверьте мне,

они у меня получат! Я тут недавно одного сцапал, цыгана, который напал на старуху, вот уж он был хорош, когда уходил из участка!» Самое удивительное, что этот палач – вполне приятный человек, он заканчивает брать мои показания, он не затягивает, набралось уже три густо исписанные страницы, тут ни к чему мешкать. Прямо перед тем, как мне дают их подписать, мимо нас проходит Луиза с черной хозяйственной сумкой: «Пойду за покупками», – говорит она. – «О нет, мадам, я уже отпускаю месье на каникулы, и теперь мне нужна ваша помощь». Я говорю Луизе: «Я могу сходить в магазин вместо тебя, что тебе взять?» – «Молока, два не слишком сухих формовых багета, разрезанных пополам, и газету, которая развлечет твою тетю». Полицейский сразу же поднимает голову от своей писанины: «А что за газету вы читаете?» – Ответ его ободряет: «Фигаро». – «Это очень хорошая газета», – заключает он церемонно. «Знаете, – говорит Луиза, – что я там читаю: объявления о рождении и смерти...» Мужчина из правых, гордясь собой, по-своему ведет дело, он говорит Луизе: «Таких подонков надо усыплять, как собак». Не следует сейчас напоминать Луизе о собаках, особенно об уколах, кладущих конец их жизни, она восстает, она заявляет протест: «О, это нет, месье, собак у меня было три штуки, и всем троим я дала сделать укол, и я видела их глаза в момент этого укола, если бы вы это видели, то не осмелились говорить такое...» Сюзанна теперь уже не вполне в по-

рядке, напрасно допрос с улыбками шел все медленнее, вот он закончился, и она начинает осознавать, что случилось. Она просит выпить что-то для сердца, Луиза дает ей таблетки, которые размалывает щипцами для орехов, она объясняет молодому полицейскому, как это нужно употреблять: «Вот, к каким хитростям можно прибегнуть, когда своих зубов уже не осталось, а вставные челюсти ни на что не годятся...» Пришли «дактилографы», чтобы взять отпечатки: маленькие бородки, очки, портфели подмышкой, вид наемных статистов, явившихся, дабы установить личность больших горемык с галерки непристойного кинотеатра, безликих силуэтов, которые однажды выбираются из тени, чтобы признаться в какой-нибудь газетенке, что в этой никому не известной истории были свои низменные страстишки. К несчастью отпечатки на пивных бутылках, перепачканных краской, мало на что годны. Я спрашиваю, можно ли что-то соскоблить с упаковки пасхального яйца, которое они подарили. «Нет, нам нужна совсем ровная поверхность; стекло было бы идеально». Я возвращаюсь с покупками: Луиза с нескрываемым унынием удостоверяет, что молоко не того образца, к которому она привыкла, вероятно, более дорогого, я прошел две булочных, чтобы отыскать не слишком сухой формовый хлеб, но не обратил внимания на молоко, я ставлю его кипятиться. Я совершенно вымотан из-за этой истории, этих женщин, их неосмотрительности, бес-

сознательности, ничтожности их благодарности. Люди из угрозыска зайдут попозже, часам к трем, они отправят бригаду собрать оборудование, чтобы у гангстеров не возникло желания вернуться за ним. На улице или же в том, как я смотрю на эту улицу, все снова переменилось: теперь все совершенно иначе, мои рецепторы будто обмерли, они начинают распознавать что-то совсем другое, мир больше не делится на людей пленительных и незаметных, нет, теперь в глаза бросается, что он переполнен преступниками и жертвами, можно спятить от того, что достаточно лишь взглянуть на другого человека, и процент потенциальных палачей в обществе сразу подскакивает. Смотри-ка, говорю я себе впервые в жизни, в Париже и правда множество иностранцев...

47

Я все это смываю с себя: бреюсь, мою голову, решаю больше не ложиться и снова выхожу на улицу. Вдоль дороги припарковано множество небесно-голубых фургончиков. Вдобавок к тому я осознаю, что улица эта оккупирована португальцами: консьержи в моем доме португальцы, консьержи в соседнем доме тоже, парикмахерша у меня снизу тоже, владельцы маленьких ресторанчиков чуть подальше тоже; не столкнулся ли я с мафией, которая наблюдает за каждым моим появлением, тасует мою почту и месяцы напролет следит за мной, чтобы обвести теперь вокруг пальца? На рю де Ренн я произволь-

но замечаю, что направляюсь к витринам с черными очками, сейчас меня влекут только они. В конце концов, я покупаю новое переговорное устройство, чтобы спасти Луизу от ее голгофы, насильно избавить ее от этого мученичества. Приехав в три часа, я говорю ей: «Я его вам дарю, чтобы наградить за ваше великодушие к гангстерам... Все, что я делаю для вас со вчерашнего дня, я делаю из сострадания». Я начинаю критиковать страдание, не знаю, что на меня находит, но резкость обличительной речи, которую я произношу Луизе, удивляет прежде всего меня самого: «Страдание – это самое непристойное в человеческом существовании, теперь, когда я целый месяц страдал, я это знаю, это отталкивающее чувство, оно омерзительно, и я досажую на христианство за то, что оно привило тебе вкус к нему...» Сюзанна, лежа на кровати, разгадывает кроссворд, она предлагает мне прилечь рядом и отдохнуть в ожидании полиции. Ей уже не в первый раз приходит в голову подобная мысль, под разными предложениями, например, чтобы воскресным вечером мы вместе послушали музыку. Я всегда отказывался. Я знаю, что это было одним из самых больших желаний моей матери: «Прилечь рядом со мной». На этот раз я сам мечтаю занять это место на кровати, мечтаю там растянуться. Адская Луиза, чью дремоту я разбередил, жаждет надорвать все свои силы: кавардак, что здесь устроили, мешает соседям, так что давайте отмоем, выскребем, издерем себя до

крови, выстроившись в ряд, ползая на четвереньках, таская за собой тяжести, от которых у нас повыскакивают ошеломительные, потрясающие грыжи, великолепно покончим с собой за работой...

Наедине с Сюзанной я восстанавливаю и проговариваю бредни, о которых думал несколькими часами ранее: «Они принесли вам цветы... Это напомнило мне о той девушке, которая должна была работать здесь до теперешней домработницы; она ведь тоже принесла вам цветы. Она ведь была португалка?.. как давно это было?» – «Еще до зимы», – отвечает Сюзанна. – «А сколько раз она приходила?» – «Раз десять». – «Она десять раз подряд убиралась?» – «Нет, только раз, но она часто заходила просто поболтать. Она была очаровательна. Нет, это не может быть она». – «Как ее звали?» Сюзанна пытается вспомнить, нет, она уже не помнит. «Ты такая подозрительная, я уверен, что ты должна была где-нибудь записать ее имя...» – «Постой, да, может быть... Сходи посмотри на моем бюро, в том месте, где ты нашел для полиции координаты домработницы... Под этой бумажкой должна быть тетрадь, если я записала ее имя, то, должно быть, там». В конце концов, я нахожу эту тетрадь: по настоянию моей тети девушка записала свои имя и фамилию, адрес, номер телефона, имена работодателей, дату прибытия во Францию, номер иммиграционного удостоверения, номер социальной страховки. «Как у тебя могут возникнуть подобные

подозрения?» – спрашивает меня Сюзанна. – «Вы живете здесь вместе уже сорок лет, у вас никогда не было никаких проблем, и вот в течение одного года вы меняете двух домработниц...» – «Нет, трех, – говорит мне Сюзанна, – потому что однажды к нам направили сменщицу Софи, не потому, что у нее был отпуск, а потому, что заболел ее сын. Она приходила всего два раза, нам она не нравилась, и мы не хотели, чтобы она возвращалась. Она читала из-за моей спины почту, когда я ее открывала, и говорила: “А, так это ваша пенсия! А, это плата за квартиру от ваших съемщиков!” Blondinka лет тридцати. Вот какая у нее была фамилия, мы так никогда и не узнали. И твоя тетка Луиза сказала: “Как странно, она говорит, что у нее нет ни су, и вдруг скачет на Лазурный берег”».

Когда я выдаю этот ряд домработниц комиссару Судебной полиции, он делает записи, но брюзжит, он смотрит на меня, как на надоеду, с таким видом, будто думает: не тебе, мальчонка, учить меня моей профессии, и потом с какой это стати ты хочешь направить нас по следу всех этих нищенок, может быть, ты просто сам хочешь что-то от нас скрыть? Он говорит мне: «Мы при любом раскладе всех выслушаем, еще раз выслушаем вас, и выслушаем вашу сестру, вы что, никогда с ней не видите, с сестрой-то? Вы, должно быть, не любите свою сестру, да!» Я раздражаюсь смехом: «Дело не в этом, а в том лишь, что она живет в Этампе, а я в Париже, а это не

так уж близко...» Рядом его помощник, он несколько раз звонит, чтобы заказать грузовик и забрать оборудование, в конце концов, ему объявляют, что он сам должен будет принять участие в переезде, он начинает вопить: «Это не моя работа! Я по-другому одет! Они насмеются! Я отправлю им счета из прачечной!» Когда я с ним прощаюсь, я понимаю, что для него, для всех них я – подозреваемый номер один. Шаблонная версия: нетерпеливый племянник, уставший ждать наследство, втянул в дело своих дружков.

51

Я вижу, как за окошками автобуса идет какой-то мальчик, он вдруг меня привлекает. Что это за взгляд, совсем обычный и, тем не менее, столь назойливый? Что наделяет его властью? Не эта ли в точности вещь, которую я только что громко и пылко обличал – страдание? Эта вещь, которой не существует? Эта тайна?

Вернувшись домой, я сразу беру пульверизатор с синей жидкостью для окон и принимаюсь стирать следы белого порошка с перочинного ножика, с зеркала, с рамок фотографий, висящих у меня в спальне. Эти едва заметные следы находятся здесь месяцами, я нарочно оставил их, мне кажется, что только я могу распознать их в определенные часы и при определенном преломлении света, они навевают нежные воспоминания, воспоминания о вечерах, проведенных с Венсаном.

Я думаю: я буду отрицать, я скажу «нет». Если вдруг они зададут мне вопрос. Мишель* не мог сказать: нужно сделать так или эдак; его уроки были пространны, легки. Тем не менее, за эти семь лет дружбы он дважды заговаривал об этом, он повторял мне на полном серьезе: «Если однажды полиция спросит тебя, гомосексуалист ли ты, ты должен сказать, что нет. Это их не касается. Это посягательство на личную жизнь, потом они начнут этим злоупотреблять...» В то время это казалось мне старомодной паранойей. Сегодня я хочу следовать единственному совету умершего друга. Нет, нет и нет, совершенно нет. Мои книги? Скажите мне, в самом деле, какая связь между реальностью и этим вздором?

Около четверти восьмого я звоню Сюзанне, она говорит: «Я измучилась! Меня не только чрезмерно утомила настойчивость этих господ из полиции, еще я начинаю понимать, откуда развелось столько воров и почему их никогда не ловят. Не удивляюсь, что с такими ленивыми полицейскими они живут припеваючи! Ты бы видел, как они переносили оборудование: кончиками пальцев! Уверю тебя, что гангстеры лучше справлялись!» Около половины восьмого мне удается дозвониться до Венсана, я объясняю ему, что случилось, я отменяю наш уик-энд, я говорю ему: «Я должен остаться с тетушками, чтобы морально их поддержать».

* Мишель Фуко.

Филипп приводит меня поужинать на террасе в Сен-Жермен-ан-Ле. Он просит меня рассказать продолжение истории, он говорит, что молодая португалка – отличная версия, он уговаривает меня пойти на следующий день дать подсказку местному молодому инспектору под тем предлогом, что это по его ведомству. В какой-то момент Филипп говорит мне: «Для пожилых людей уже не существует никакого объема, все плоско». Старые франки или новые франки, богатство или бедность, щедрость или скупость, хорошие или плохие, правда или ложь, в конечном итоге, какая разница? Часто в последнее время Сюзанна смотрела на меня со странной пристальностью. Когда я спросил, что с ней, она ответила мне: «Я постепенно теряю зрение, поэтому пытаюсь тебя сфотографировать». Часто она говорит, что видит мое лицо теперь лишь только наполовину: его освещенную часть; та, что находится в тени, не имеет больше никаких черт; эта часть моего лица теперь всего лишь черное пятно. Все, что затемнено, не имеет больше никакого рельефа, тихо скользит в незримое: к примеру, ночь. По ночам Сюзанна до такой степени не может ничего разобрать, что даже различает в темноте то, чего нет, и окликает Луизу, которую видит, когда та проходит рядом, хотя на самом деле Луиза лежит у себя этажом выше.

Утром 25 апреля я берусь за этот рассказ. Можно сойти с ума от того, как быстро все пишется, словно стрела скользит в пустоте времени.

54

По субботам я обедаю с Клер. Я прихожу чуть раньше, я иду в сады Пале-Рояль, погода прекрасная, я подхожу к скамейке, кто-то повесил плакат, запрещающий в этот день на нее садиться с часу до пяти; я смотрю на свои часы: условный час уже наступил, на плакате нарисован череп, но две японки отбросили его в сторону и спокойно уселись на скамейку, и я тоже сажусь вслед за ними. Внезапно я спрашиваю себя, не видел ли я уже толстяка прежде: около двух месяцев назад в ресторанчике на рю д'Алезия, где готовят кускус, я заметил похожего человека, тучного, словно арабская женщина, которая пренебрегала танцами живота, всего в сверкающем золоте, было в нем что-то странное, он был женоподобен и при этом походил на бандитарецидивиста. В тот день я чувствовал какое-то беспокойство, я ходил встретить Поэта (так мы прозвали одного нашего друга) на вокзал, все рестораны, куда я хотел его привести, были закрыты, шел дождь, и Поэт задавал раздражающие меня вопросы: сколько б я сейчас зарабатывал в месяц, если б не боялся в старости оказаться в нужде и т. д. Я глупо пустился в разговоры о том, сколько налогов должен буду заплатить в следующем году из-за некоторых чрезвычайных обстоятельств

(два увольнения подряд с утешительными выплатами), за последний год я неплохо заработал, сумма впечатляла даже меня самого, и было глупо шептать ее так тихо, чтобы совсем никто не услышал; видя мое замешательство, Поэт настаивал, чтобы я повторил цифру. Когда мы уходили из ресторана, на нас были нацелены все взгляды, и я говорил себе, что поступил опрометчиво. Если толстяк был тем самым, что сидел за соседним столиком, может быть, он, привлеченный суммой, следил или нанял кого-нибудь следить за мной?

55

После нашего обеда я сажусь в автобус, чтобы встретиться с молодым инспектором, который назначил мне встречу в районном комиссариате, и передать ему мои списки. Напротив садится элегантный пожилой мужчина в шляпе и с галстуком, ставит себе на колени цветок в упаковке и начинает рассматривать мушкетера-ангела. Через несколько минут, извиняясь, он спрашивает, о чем должен говорить этот значок. Тогда я спрашиваю его, что обозначает его знак отличия, две сшитые вместе красная и желтая ленточки, вдетые в петлицу. Он без всякого высокомерия говорит, что это самая высокая награда войны четырнадцатого года, и что это благодаря ему я сейчас живу свободным человеком. Вместо того, чтобы подумать: «старый дурак, меня бесят твои допотопные истории», я восхваляю его мужество. Он говорит, снова очень мило, несколько не важничая, что ему

исполнилось девяносто лет. Я спросил его, каковы секреты, благодаря которым он в столь хорошей форме, он отвечает: «Я встаю в семь утра, ложусь в десять, плотно ем в полдень, выпиваю пол-литра хорошего бордо, по вечерам не пью и ем что-нибудь совсем легкое, протертый суп, яйцо, фрукты, кроме того, я каждый день выпиваю около литра воды и много хожу пешком...» Я говорю ему, что у меня приблизительно такой же распорядок, он делает мне внушение: «Вы слишком молоды, чтобы ложиться в десять часов! Существуют же разные развлечения, кино, театр, телевидение...» Он смотрит телевизор, но не все подряд, ему нравятся фильмы, говорит он мне, «которые совпадают с моим мироощущением и способны утешить». Фильмы о любви он не ценит, потому что, говорит он, улыбаясь без малейшего оттенка пошлости, «у меня свои собственные любовные истории, и мне не нужны чужие». Я говорю ему: «У вас есть приятные воспоминания?» Он отвечает: «Да, месье, превосходные воспоминания, я прожил с женой шестьдесят пять лет». Потом, изящно скрывая печаль, но словно бы сильно удивляясь: «Она недавно умерла». Мы выходим на одной остановке; я с иронией говорю себе, что такого миленького дедульку можно было бы легко общипать...

Я подшучивал над самим собой: Луиза была влюблена в мужчину с белыми зубами, а не собирался ли я влюбиться в симпатично-

го молодого инспектора в джинсах и кедах? Как только я снова его увидел, такого вопроса уже не возникало: все, что было в нем привлекательного, он сдал в архив, теперь это был лишь обычный полицейский служащий, раздраженный моей настойчивостью, почти что неприятный. Дело его больше не интересовало, оно больше не должно его касаться, вышестоящие забрали его себе. У него было замкнутое лицо, как у подкупленного свидетеля. Я говорил ему: «Все это словно запутанный клубок памяти, который медленно распутывают и видят, что время от времени попадают прилипшие к нитке кусочки слюды, которые, оказавшись опять на свету, ненадолго вспыхивают...» Молодой инспектор, сидевший напротив меня, страдал амнезией: я разговаривал с ним на китайском.

57

Вечером у Т. я по просьбе К. снова рассказывал свою историю. При каждом новом проговаривании вслух она все больше становилась тем самым рассказом, который я писал на бумаге, может быть, несколько искажая реальность. Я не сознался Т., что начал работать минувшим утром. Моя работа – главная помеха для наших отношений; она проявляется сначала в речи, когда та становится отблеском, посланцем пишущегося текста. Я больше не говорю на том же языке, что и Т., а полностью погружаюсь в свою историю и в какой-то момент все приношу ей в жертву, свои мысли, сон, беседы, будто властному,

убийственному любовнику. В этот вечер Т. подтрунивает, ведет себя почти вызывающе: у него проблемы на работе; когда с ним такое случается, он никогда об этом не говорит, он сосредотачивается на том, как устранить препятствие. Если к несчастью, не зная об этом, во время подобного исступления пустить в его сторону стрелу, пусть даже самую маленькую, он унывает, сдается. Когда я застаю его таким, я, словно губка, которая не понимает, почему она впитывает воду; будто охваченный внезапным приливом, я оказываюсь вдруг переполненным его несчастьем, оно во мне, но я не могу осмыслить его; я становлюсь словно броней Т., в одну секунду покрывшейся миллиардом коварных дыр. Я рассказываю К. о том, как толстяк гангстер смотрел на мушкетера-ангела, Т. учуял в рассказе подвох, он издевается, он говорит: «Ты, как всегда, все сводишь к себе». К. встает на мою защиту, спрашивает его. Т. посреди ужина отправляется спать. К. поднимается к нему и потом говорит, что он больше не спустится. Прежде чем заказать такси, я тоже иду к Т., он лежит в темной комнате, я произношу его имя, он поднимается, я сажусь на кровать, обнимаю его, говорю, что очень его люблю, что он не должен отчаиваться, и после того, как случилось что-то плохое, дальше может быть только лучше.

В воскресенье 26 апреля во время обеда тетки меня обвиняют: дело не только в том,

что эта покраска стоила им около шестидесяти миллионов, а еще в том, что из-за моего бахвальства работа не была сделана до конца, остается еще целая лестница. Я сам должен взяться за кисть, чтобы их порадовать? «Оба главаря должны были очень хорошо вас знать, владеть вашими довольно точными психологическими портретами, в одной и другой они различили все ваши страстишки, каждую из вас они обработали, как телесно, так и душевно. По поводу твоей скупости, Сюзанна, прими к сведению: меня достало отваливать государству пятнадцать процентов НДС, они со своими налогами и так уже достаточно меня нагрели; а ты, как обкраденный жулик, заплатишь в десять раз больше; тут есть все поводы для дальнейшего шантажа: «Вы нам и так очень дороги, но станете еще дороже, если начнете болтать, все это делается подпольно, и вы это приняли, вы должны будете заплатить огромнейшие налоги, которые окончательно вас разорят». А ты, Луиза, с твоим христианским милосердием: «У моего малыша двойная заячья губа, если я не дам врачам много денег, чтобы спасти его, неизвестно еще, сможет ли он ходить...» Может быть, они и меня знают, я появился именно в тот самый день, когда должен был ехать в Лиссабон; я страдал от опоясывающего лишая, и в результате поехал в деревню... Начальник, человек с белыми зубами, очками и маленькими усиками (вполне вероятно, что накладными), устроил в тот день, когда

я приехал, все так, чтобы не пересекаться со мной в то время как он ходил взад-вперед по саду, лестницам, третьему и четвертому этажам, я его даже не видел...» Все это больше не интересует моих двоюродных бабушек, единственное, что имеет значение, это выкаченная из них сумма: «Я почти что уверена, что мы никогда не получим ее обратно, – говорит Сюзанна, – а это были деньги, которые я приготовила Луизе на старость». Луиза же весело демонстрирует свою скорбь: «Иншалла! – говорит она, – пока мы можем пить шампанское (как всегда по воскресеньям, она только что открыла бутылку «Моэт э Шандо», купленную в «Феликсе Потене» за 92,70 франков), а, когда мы больше не сможем его пить, что ж, начнем пить бурду...»

Этим воскресным вечером я в отчаянии. После обеда я спал. Я один, и это совсем скверно. Я звоню Венсану, его отец мне отвечает: «Знаю только, что он ушел, взяв с собой мотоциклетный шлем». Все то время, что я его знаю, Венсан мечтает иметь мотоцикл, он говорит мне: «Когда у меня будет мотоцикл, мы вместе на нем уедем». Каждый раз я думаю, что это будет красивая смерть... Филипп этим вечером занят, Матье еще не вернулся из Бразилии; после вчерашнего вечера я не хочу идти к Т. и К.; тетки в полдень перекормили меня говяжьим хвостом, ужинать я не буду. Против всякого ожидания, телефон не перестает звонить, не рассеивая моего невы-

носимого одиночества. Звонят люди, о которых я никогда не вспоминаю, которые обычно никогда не звонят, как будто сговорились. Я предпочитаю остаться один. Я открываю бутылку сотерна, закуриваю сигару, которую мне оставила актриса С. А., сразу же ее гашу, чувствуя отвращение. Сюжет «Мистерий», книги Гамсуна, которую я увлеченно читал, больше ничего мне не говорит, как если бы она соперничала с моей. С вином уныние превращается в бесчувствие. Я снова думаю о самоубийстве; этим вечером надо было бы проломить головой стену. Внезапно, без всякого умысла, я иду к своему столу, беру нож для бумаги и одним махом вскрываю маленький желтый конверт, который Пьер отправил Венсану на мой адрес. Если бы за полчаса до этого мне бы сказали: «Ты откроешь это письмо», я бы ответил: «Это отвратительно, я никогда не смогу этого сделать». Теперь, когда письмо открыто, это кажется мне столь естественным человеческим поступком! Письмо Пьера мило, он отправил его из Флориды, это письмо влюбленного, и он хитроумно превратил меня в посредника, ибо рядом с Венсаном мы становимся отчасти соперниками. Я увидел желтый бланк, на котором напечатано «Boat House», а ниже Пьер написал: «Я именно там, где бы я хотел видеть тебя. Мне здесь нравится, а ты был бы в восторге». Я сразу кладу бланк вместе с разорванным конвертом в другой белый конверт с адресом Венсана вместе с такой вот запиской: «Я хранил для

тебя это письмо нераспечатанным две недели. Простишь ли ты меня за то, что я был настолько лишен всего этим вечером и открыл его?» Как так получилось, что я до сих пор не отправил это двойное письмо?

62 В ночь с 26 на 27 число рабочие расклеивают по Парижу огромные афиши, сообщающие об участии Ле Пена в выборах президента Республики. Его толстая морда вырисовывается на фоне беспокойной волны; слоган «Елисейский дворец – французам!» Эти афиши, которые я вижу всюду, когда в понедельник утром выхожу из дома, вызывают у меня сильнейшее отвращение.

16 марта 1986 года (нахожу эту дату на первой печати моей первой карточки избирателя) я проголосовал. Сюзанна впервые в жизни не пошла на выборы: она отказывается от своего голоса правой избирательницы, я говорю ей, смеясь, что она может на меня положиться и дать мне доверенность. Луиза, со своей стороны, собирается сделать все от нее зависящее. За обедом я между прочим ее расспрашиваю: «О, нет, мне тоже Ширак не нравится», – говорит она. – «Вычеркнем?» – «Нет, он очень изменился». – «Так за кого же ты будешь в итоге голосовать?» – «За Ле Пена, – спокойно отвечает Луиза, – он самый честный». Я по-всякому стараюсь ее отговорить, дохожу даже до того, что думаю стянуть ее избирательное удостоверение. Она

упорствует, и для нее это настоящая внутренняя борьба: она поняла, что то, что ей казалось естественным, меня поражает, она меня очень любит, она не желает меня огорчать, в то же самое время она честна и не хочет изменять своим убеждениям. Перед ее уходом я изрекаю последнее увещание, я думаю: потом я замолчу, даже не буду спрашивать, что она в конце концов решила. Вернувшись, Луиза выглядит измотанной этой борьбой, она заставляет меня выслушать, как она говорит, что и в самом деле проголосовала за Ле Пена, что она не хочет мне лгать, она меня провоцирует. Тогда я говорю старой деве, которой восемьдесят один год: «Меня это и вправду не касается, не больше, чем тебя касается то, что я сосу члены, это одинаково непристойно, и с твоей стороны по отношению ко мне, и с моей стороны по отношению к тебе, это одинаково странно, одинаково экзотично...»

63

Всю ночь напролет меня терзало это отсутствие члена. Чтобы избавиться от этого, я, возбуждаясь, дважды дробил. Я нюхал амилнитрит, чтобы поверить в то, что могу почувствовать запах, полизать, а потом заглотить толстый, тиснутый на странице порножурнала член разлегшегося на ветке дерева Пана, ощутить во рту его член: на миг картинка становилась объемной. Я чувствовал, как медленно действуют, облегчая мои страдания, болеутоляющие, которые я пил каждый день из-за опоясывающего лишая, но они будто бы

выдыхались на полпути и переставали мне помогать. Они сбивали боль, но к чему, если я все равно оставался один на один с ее взглядом, с ее приступами?

64

Я предложил Т., что зайду за ним в агентство, и мы пообедаем. Мне кажется, по поводу Венсана мы перегнули палку: я сам так сильно ревновал Т. на протяжении стольких лет, а потом сильно удивлялся, что мне удалось привести его в ярость разговорами о Венсане... Т., в свою очередь, начал испытывать потребность в небольших дозах боли, которую я доставлял ему своими рассказами; я опускал детали, он требовал говорить о них, чтобы потом высмеивать. Так как эти отношения с Венсаном загадка, так как она для него невозможна и, соответственно, он не может ее разделить, то именно она и отдаляет нас друг от друга сильнее всего остального. Я говорю Т., что эти игры привели к тому, что стали вредить нашей эротической дружбе. Уже больше месяца мы не спали вместе. По моей просьбе мы решаем больше не говорить о Венсане.

После обеда я делаю глиняный компресс и заворачиваюсь на кровати в махровое полотенце, я дремлю, убаюканный покалываниями грязи, высасывающей боль. Звонит телефон, это Луиза, она говорит отрывисто, прерывающимся голосом: «Позвонил начальник, он сказал: “Ваш племянник сильно рискует, мы им сейчас занимаемся, кажется, именно

этого он и хочет; скоро зайдем вас проведать”». Ответы Луизы были безукоризненны: «Это невозможно; в любом случае, я вам более не открою, приходила полиция и просила нас подать жалобы, мы это и сделали». Гангстер повесил трубку. С каждой секундой нарастающая угроза переворачивает весь мир, это прилив, который рушит телесные преграды, тело наполняется беспорядочным стуком, чувствуется лишь, как невыносимо колотится сердце, пересыхает рот, страх торжествует. «Крепись!», – говорит мне Луиза и добавляет, прежде чем положить трубку, более озабоченная этой проблемой, нежели смертельной угрозой: «На следующей неделе приедет твоя тетя Жизель, скажи, тебя не побеспокоит, если она поспит на твоём белье?». Я невежливо возражаю: «Нет, меня не беспокоит, меня тошнит от этого, смени белье!» Я сразу же звоню местному молодому инспектору, трещающая глина становится пыткой, слова выпрыгивают у меня изо рта, он отвечает: «Я не могу ничего сделать, я уже сказал вам, что это дело больше не в моей компетенции, позвоните моему коллеге из угрозыска, вот его номер». В угрозыске никто не в курсе, я называю свою фамилию, фамилию теток, напоминаю дату, когда подали заявление, о котором никто ничего не знает, инспектор ушел на неделю в отпуск. Я прошу соединить меня с тем, кто его заменяет, его нет на месте, тогда я прошу соединить с тем, кто сможет меня выслушать. Какой-то человек невозмутимо

говорит: «Мы ничего не можем сделать, чтобы защитить вас, у нас не хватает сотрудников, будьте осторожны, не открывайте дверь незнакомым, смените номер телефона. При малейшей опасности наберите “17”, через несколько минут к вам придут. Но вам не стоит чересчур нервничать: после того, что вы мне рассказали, я удивлюсь, если они вам даже перезвонят, они не заинтересованы в том, чтобы усложнять ситуацию, линии могут прослушиваться; по моему мнению, они всего лишь хотели узнать, есть ли какие-нибудь новости, подали ли на них жалобу, это все, что их теперь интересует, когда они уже получили деньги».

Странно, но больше всего я боюсь за свой дневник, я потратил три года на то, чтобы исписать красную тетрадку, в которой говорится о вечерах, проведенных с Венсаном, и последняя страница была дописана две недели назад. Если тетрадь исчезнет, если они ее у меня украдут! Однажды Венсан сказал: «Я рад, что даю тебе возможность писать, рад, что, благодаря мне, ты пишешь». Но в другой раз, посмотрев на тетрадь с подозрением, он произнес: «Надеюсь, ты не все рассказываешь подробно!» Я иду ужинать с Матье, вернувшись утром из Бразилии; я звоню Т. и говорю, что заеду на такси оставить у него дневник; пользуясь случаем, он может отдать мне дубликат ключей, из-за угроз я переночую в его детской. Когда во дворе его дома я

протягиваю ему дневник, он взволнованно говорит: «Я как раз стелю тебе постель, но я не могу найти маленькую картину, которая мне очень нравилась с детства – на ней был изображен Лебяжий остров. Ты знаешь, я впустил туда на несколько недель одного мальчика. И я специально сказал ему, показав картину, что очень ею дорожу...»

67

Я не пошел ночевать к Т. Может быть, водка, выпитая в компании Матье, помогла мне принять это решение. Я не хочу погружаться в круговорот страхов. Почему мне стоит в этот вечер бояться больше, чем накануне, когда я не знал об опасности, или чем спустя пару недель, когда я смогу о ней забыть? Утром 28 числа я решаю отыскать последнюю книгу Гамсуна «По заросшим тропам», где старик восьмидесяти шести лет, отвергнутый из-за пристрастия к нацизму, говорит в своей защитной речи обо всем, что могло бы его оправдать... В Люксембургском саду, куда я иду читать, настоящий праздник первых летних деньков, вокруг стульев с подлокотниками и тех, в которых можно усесться поглубже, чтобы принимать солнечные ванны, царит скрытая суматоха; лицеисты, счастливые, что можно раздеться, скользят меж водяными струйками и брызгами фонтанов, – прекрасный способ освежиться; я нахожу, что девушки, занятые гимнастикой, очень милы; сутулящиеся пожилые мужчины в темных костюмах отгадывают кроссворды или записывают

какие-то свои словечки на клочках бумаги. Я весь в Гамсуне, мне нравятся его упадок, смелая заносчивость. Несколько мгновений я смотрю на мир его глазами: и правда, что жизнь чудесна. Я вспоминаю о том, что было несколько лет назад, и о чем я с тех пор больше не думал: отец послал мне письмо со средиземноморского острова, где он проводил отпуск: из-за вывиха лодыжки или сильного бронхита он не мог купаться в море, которое столь нежно любил. Поэтому он гулял, проходил по тем местам, которые мы открывали с ним вместе, когда я был «его другом». Он писал в письме: «Это воспоминания старика. Но это и хорошо. Я надеюсь, что ты усвоил немного той мудрости, которой я так скверно тебя учил».

Гамсун оглох, он умывается, стоя в одних подштанниках, к нему неожиданно заходит хорошенькая девушка, он не слышал, как она стучала в дверь, получается неловкость; кроме того, у него не было времени вставить обратно искусственные зубы. Накануне отъезда в деревню, когда я неожиданно зашел к двоюродным бабушкам, я впервые увидел Сюзанну без вставной челюсти, она лежала в кровати, это был совсем другой человек, старуха с провалившимися щеками, женщина, которую я прежде не встречал. И все же я был благодарен случаю, что помог мне узнать истину; разве не прекрасно увидеть новый лик тех, кого мы любим, даже если он и ужасен?

Гамсун тайком читал газеты, которые ему запретили читать в приюте, он пишет: «Я впервые узнал о скандальных поступках немцев в нашей стране». Как-то раз я рассказал Луизе о том, как проводят свободное время бойцы Национального фронта, которые, наслушавшись выкриков во время митинга, устроили прелестный погром в пригороде Марселя. Я рассказал Луизе о молодых арабах, которые выбрасывались из окон, чтобы уйти от захватчиков. По ее взгляду я понял, что она изменит свое предвыборное мнение.

69

Прежде чем пойти ужинать, я пишу в дневнике фразу, продиктованную неожиданной мыслью: «Однажды в моей жизни появится подросток, который окажется для меня ловушкой». Я не понимаю, почему это пишу, обычно я понимаю написанное. Я думаю, эта фраза отсылает к неопределенному будущему, словно предсказание гадалки; я не могу представить, чтобы она могла относиться к чему-то прошедшему.

В двадцать пять минут одиннадцатого в ресторане, где я второй раз подряд ужинаю с Матье, к которому обратился за первой неотложной дружеской помощью, я набираю номер Венсана, час назад телефон молчал. Его мать говорит мне: «Я его не видела. Он налетел, как ураган, прямо перед тем, как я вернулась. Но он позвонил, чтобы узнать один телефонный номер. Он сказал мне, что находится

у какой-то или у какого-то Дом-Тома, так он его называет, это, должно быть, Доминик, он оставил здесь свою записную книжку, хотите, чтобы я поискала? Проблема в том, что здесь все распределено по фамилиям... Подождите... Я нашла троих с именем Доминик, хотите, я дам вам все три номера?» Я отказываюсь, благодарю свою сообщницу, вешаю трубку. Решаю принять снотворное, которое дал мне Матье, и отключить телефон, чтобы наконец-то выспаться. Но, после часа тревоги, снова его включаю: я предпочитаю услышать гангстеров, нежели воображать, что они мне не звонили. Снотворное больше не действует: несмотря на мою усталость, я не засыпаю ночью, я утратил привычку спать.

В среду 29 апреля в девять часов десять минут я бужу Венсана, который в половине десятого должен быть на работе. Он говорит по телефону не устало, а как-то неприятно, отвратно. Он говорит так, как еще никогда не говорил со мной. Я уже три дня пытаюсь до него дозвониться, я оставлял ему сообщения, но он не перезванивает. Я прошу его уделить мне днем всего десять минут во время обеденного перерыва или рано вечером, если потом он занят. Мне нужно обязательно поговорить с ним, и я взываю к его дружеским чувствам. Он отказывается, продолжает злобно посылать меня к черту. Я хотел снова предложить ему провести уик-энд на Атлантическом побережье, я чувствую, что скоро настанет мо-

мент, когда я буду в том сильно нуждаться, я рассчитывал объяснить ему это при встрече; на сей раз мы обязательно должны отправиться в путешествие вместе, что бы ни случилось. Больше всего меня беспокоит, что я слышу в его голосе какую-то тревогу, словно за этим поведением и проявлением характера скрывается кто-то еще. Это неприятно напоминает мне тревожные голоса теток за неделю до того, как я вернулся. Манера делать после каждого вопроса заметные паузы, обдумывая ответ, свидетельствует о том, что это не просто осторожность, а симптом.

71

Часов в десять мне звонит моя двоюродная бабка Луиза сообщить, что она только сейчас обнаружила, что пропали еще семнадцать миллионов казначейскими векселями и государственными займами, большей частью неименными, которые она прятала в мешочке в глубине шкафа в спальне. Она проверяла и видела, что мешочек все время тут, но не заглядывала внутрь, уверенная, что белозубый мужчина, папа крошки с двойной заячьей губой, не способен на кражу. Это открытие, разочаровавшее ее, может быть, больше всего остального, даже больше, чем нависшая надо мной смертельная угроза, увеличивает сумму украденных денег до семидесяти четырех миллионов старыми франками. Я должен сообщить полиции. В очередной раз я связываюсь по телефону с одним из инспекторов, ответственных за это дело. Пленительный

бюрократический голос заставляет меня думать, что полиция уже все забросила, что полицейские командос устроили свой спектакль, словно для того, чтобы забылся спектакль, разыгранный бандой; все снова погрузилось в забвение и безнаказанность. Гангстеры трудились над этим делом неделю, а полицейские – два дня: у них есть другие заботы. Нужно будет отправить второго «дактилографа», чтобы взять отпечатки полицейских и увериться, что все это был не мираж. Может показаться, что в полиции знают волшебное слово, позволяющее прятать неспособность раскрыть текущее дело, то самое, которое касается именно вас: в это время они заняты более срочным делом, да еще каким – «Изнасилование!» – шепчет мне оправдывающийся полицейский коварным, почти похотливым тоном.

Я дарю отцу «Пана» Кнута Гамсуна. Первое, о чем он меня спрашивает после поцелуя: «Что это за брошка, это святой Георгий?» Я рассказал ему историю о гангстерах; когда речь заходит об угрозах, он морщится. Я свожу все воедино: «Уже несколько месяцев со мной случаются какие-то странные приключения, какие-то удары судьбы, выглядящие чересчур вычурно, и кажется, что все они как-то между собой связаны. Я попадаю в опасные ситуации, но каждый раз что-то меня спасает, словно какое-то чудо, словно этот значок и в самом деле меня защищает. События следуют

одно за другим, нужно, чтоб их цепь когда-то кончилась. Началась она в Ниме этим июнем в конце Феерии *. Ханс-Георг вновь уехал на поезде, я был наедине с Венсаном, который делал все, лишь бы от меня скрыться, возвращался на рассвете, если вообще возвращался, и был еще Готфрид, наш немецкий друг, который тоже должен был уехать той ночью на поезде в Испанию. Мы вместе пробирались сквозь шумную толпу, Венсана мы оставили на площади, где был антильский концерт. Готфрид мне говорит: “Давай погуляем по Саду Фонтанов, он такой красивый, у нас еще есть время, там будет спокойнее”. Если бы кто-то другой предложил мне такую прогулку, я сразу бы подумал об опасности. Но сама натура Готфрида исключала такую возможность: настолько он был уверен в себе, настолько могущественен, настолько по-рыцарски себя вел. Ворота сада были заперты, я уже почти почувствовал облегчение. Но Готфрид ведет меня к буфету, мы минуем подозрительные взгляды официантов, собирающихся закрывать двери, и оказываемся, спокойные и счастливые, в саду: теплый и мягкий синеватый вечерний воздух, мы постепенно удаляемся от хаоса Феерии, узкими дальними рощами поднимаясь по склонам сада. “Ничего не бойся, – говорит Готфрид, – я же с тобой”. Мы остановились

* Празднество в Ниме, длящееся почти неделю, приурочено ко дню Святой Троицы, когда устраиваются фейерверки, танцы, а кульминацией служат корриды, проходящие на древних городских Аренах.

на одной из эспланад: шум стал более приглушенным, мы видели, как внизу в сполохах петард сияют праздничные огни. Как нам было хорошо! Какими нелепыми были наши опасения! Какая была превосходная мысль придти сюда. Мы глубоко вдыхали воздух, а с воздухом, который мы выдыхали, казалось, изнутри, освобождая нас, выходила неистовая сила Феерии, скопившаяся там за неделю: со всей очевидностью мы находились еще здесь, но на самом деле были уже далеко... Мы пошли дальше. Внезапно Готфрид сказал: «Мне кажется, я будто стал каким-то зверем». Очень тонким слухом он различил изменения в шедших отовсюду приглушенных звуках. Нам навстречу направлялись восемь теней, рядом промелькнула черная собака. Я подумал: было безумием приходить сюда, это может оказаться очень опасным, вокруг ни души, кричать бесполезно. Но нет, это была моя паранойя. Парни прошли мимо, один шутливо произнес: «За вами гонится эта пси-на?» Готфрид очень спокойно ответил: «Нет, она очень добрая». Я подумал: это как раз те слова, которые нужны, они освобождают от чар. Мы продолжали идти бок о бок. Вдруг Готфрид мне шепчет: «Они идут за нами, не оборачивайся, не надо бежать». Шайка в один момент нас окружила, на нас наставлены два пистолета, один парень играет железным прутом, слышался голос: «Давайте деньги!» Это молодые арабы. Мы с Готфридом оказались в центре своры. Каждый из нас стыдится перед другим за свое бессилие, каждому уже

стыдно за кровь, которую он должен будет стирать с лица другого или почувствовать на собственном. Я думаю: у меня восемьсот франков в левом кармане брюк и кредитная карточка в паспорте во внутреннем кармане пиджака; в одну секунду я достаю восемьсот франков и протягиваю их парню, который ближе всего ко мне, и тут же непонятно почему произношу: “Только скажите нам, где здесь можно выйти”. – “Вот тут”, – парень делает неопределенный жест. Он подскакивает к уличному фонарю, чтобы посмотреть, сколько денег у него в руке, для него это много; не в силах сдержаться, он прыгает от радости. Готфрид встал на колени. Он вытаскивает из заднего кармана джинсов толстый бумажник и, церемонно протягивая его обидчику, говорит: “Верните документы, я иностранец”. Он выговаривает слова на едином дыхании, это медленное падение, ощущение особой важности высокопарных фраз. Парень схватил у него бумажник, достал оттуда пачку банкнот и швырнул бумажник обратно. Чей-то голос настойчиво выкрикивает: “Часы!” Готфрид трагическим голосом изрекает: “Не трогайте часы! Это часы моего отца. Он умер”. Один из револьверов наставлен на мой висок, правда ли это, он стреляет удушливым газом? Чья-то рука отводит в сторону от меня руку, в которой зажато оружие, и голос освободившего меня парня бросает контрприказ: “Не берите часов!” Готфрид придумал магическую формулу. Мы бежим, сломя голову, я, такой трусливый, влезая на высокую ограду,

держусь за позолоченный наконечник, повисаю в воздухе и падаю в пологий проулок. Мы несемся прочь. Парни пересчитали деньги Готфрида, там были дойчмарки, больше миллиона, они сходят с ума из-за такой суммы, один прокричал: “Их нужно убить!” В спускающемся вниз пустом проулке, где нет ни одного жилого дома, небольшая машина пытается выбраться со стоянки, мужчина с трудом поворачивает руль. Не сговариваясь, мы с Готфридом с двух сторон распахиваем дверцы и ползем по головам окаменевших хозяев, чтобы усесться позади, умоляя: “Быстро! Быстро! Уезжайте! Скорее! За нами гонятся! Они хотят нас убить!” Как только опасность осталась позади, на нас обрушивается страх, наплывает волнами, все более одуряющими. Ты пытаешься забыть случившуюся сцену, но она возвращается, снова и снова проходит перед глазами, пытается тебя, хотя наяву не вызвала такой реакции. Мы решаем не ходить в комиссариат, мы слишком подавлены, допрос бы нас доконал. Скорее отдыхать в гостиницу! Мы ложимся рядом на кровати, открытые окна выходят на превратившиеся в последний вечер в ночной клуб пламенеющие Арены, вибрирующие в лихорадке музыки и фейерверков. Готфрид прижимается ко мне, шепчет: “Ты мой брат по опасности... Я люблю тебя”. Это внезапно согласное на все тело, которое я напрасно желал столько лет, почти внушало мне отвращение».

Я продолжаю рассказ: «Был один мальчик, к которому меня сильно тянуло. Мы провели вместе три вечера, два из них просто великолепные. Мы говорили с восьмью вечера до четырех утра. Он только что приехал с Антильских островов, где провел первые восемнадцать лет жизни на пляже в компании двух собак, занимаясь серфингом, все время один, ездил на школьном автобусе до столицы округа. В момент расставания с мальчиком я опускался на колени, чтобы поцеловать ему руки, лишь это, ничего более. Было забавно вспоминать, как писатель Р. Б. *, когда мне было восемнадцать лет, а ему шестьдесят, так же целовал мне руки, и однажды, возле автобусной остановки, попросил меня притронуться губами к его уставшим векам. Мне было тридцать лет, но я удовлетворял свои желания с подростками, как мужчина, которому шестьдесят... На третий вечер мальчик пришел очень подавленный, он говорил только о самоубийстве. К двум часам утра, вероятно, обращая на меня ту агрессию, которую прежде он обращал на самого себя, он разбивает о стену фужер для шампанского и протягивает в мою сторону острую отколотую ножку, говоря: “Я перережу тебе горло”. Он при этом спокоен, я тоже. Между нами повисает мгновение невероятной ясности и спокойствия, словно во время мертвой петли подбитого самолета, находящегося в свободном падении: больше

* Ролан Барт.

ничего не поделаешь, нет речи о том, чтобы пойти навстречу опасности, как нет речи и о том, чтобы предотвратить ее, этот мальчик может перерезать мне горло точно так же, как может и вообще ничего не сделать, мы с ним еще ничего об этом не знаем, и это нас почти не касается, мы оба в руках судьбы. В этот самый момент звонит телефон. Обычно меня по ночам никто не беспокоит; с тех пор, как у меня новый номер, никто не устраивал никаких розыгрышей. Кто может звонить в такой час? К. уехала с детьми в деревню, стало быть, Т. один, это может быть только он, он знал, что я встречаюсь с этим мальчиком, он смеется над моими интрижками, он хочет выведать новости. Но в трубке слышится голос незнакомого мальчика, который, заметив удивление, с которым я отвечаю, говорит: “Ведь это ты только что дал мне свой номер по минителю*?” – “Нет, это не я”. – “Ну, а ты, – спрашивает он меня, – чего-нибудь сейчас бы хотел?” – Я смотрю на своего гостя, который по-прежнему протягивает разбитый бокал, словно отвечая именно ему, я говорю мальчику в трубку: “Нет, я ничего не хочу”. Я вешаю трубку, встаю, чтобы взять бокал из его рук и выбросить на кухне. Когда я возвращаюсь, он говорит мне: “Есть другие бокалы...” Конечно, но уже поздно, судьба прошла меж

* Минителъ – предшественник интернета. Знаменитая в начале восьмидесятых годов французская компьютерная информационная система.

нас, не коснувшись ни одного, ни другого, неожиданный звонок прозвенел в назначенный час, чтоб отстранить нас от ее приманки. Несколькими днями позже я узнаю, что это был Пьер, друг Венсана, решивший надо мной подшутить».

Я рассказываю отцу третью историю: «Мальчик, которого мы зовем Поэт, приехал на февральские каникулы в Париж. К тому времени мы провели вместе уже много дней на юге, где я с ним познакомился, потом в первый раз в Париже, потом на острове Эльба, куда он приезжал на Рождество, это были приятные моменты, мы не влюблены друг в друга, это придает отношениям легкость, большую свободу и большую сопричастность. В этот раз, незадолго до его приезда, я посадил занозу на большом пальце, ее не удастся вытащить ни одной иголкой и ни одним пинцетом. Поэт быстро становится моей второй занозой. Из бутылки пипеткой берут азотную кислоту и капают мне на физиономию, от кислоты образуются дырки, нужно будет одним махом послать его куда подальше. За его кислоту можно не опасаться: подобно ртути, та соберется воедино и с упорством плюща изжалит кого-нибудь другого. Мы рано поужинали в “Куполе” и, чтобы вернуться ко мне, идем по улице, пересекающей кладбище Монпарнас. Мы идем по тротуару с разных сторон, меж нами едут машины, поверх них мы выкрикиваем друг другу оскорбления. Мы

добираемся до моей улицы, на ней пустынно и тихо, Поэт захлебывается своим знаменитым безудержным смехом. Я уже столько раз его слышал, что должен был бы привыкнуть, но я столько всего разделил с Поэтом, что его хохот заставляет меня просто взорваться: он смеется в последний раз. Я бросаюсь на него, со всей силы пинаю его ногой, я целюсь в самую середину, чтобы его очко лопнуло раз и навсегда! Потом хватаю его за плечи, кидаю на капот машины и начинаю колотить по голове, один удар, другой, потом еще...» – В этот момент моего рассказа отец заливается слезами, он говорит: «Прости меня, я снова вспомнил, каким ты был маленьким... Ты хотя бы не очень сильно бил своего друга?» – «Нет, я мгновенно осознал ту силу, о которой и не подозревал, я почувствовал, какой у нее масштаб, что я могу убить этого мальчика, сделать ему очень больно или же просто больно и перевел рычаг на эту последнюю скорость. Он кричал: “Бей меня! Бей меня!” Он очень сильный, плотный, крепкий, как бык. Вдруг, чтобы высвободиться из-под моих ударов, он неожиданно швыряет меня назад, я оступаюсь и теряю равновесие. При этом я ничего не упускаю из вида: во время этого движения, когда я начинаю падать, я замечаю за спиной огромную бетонную плиту, и вновь момент словно бы замирает в воздухе, все происходит быстро, но у меня есть время, чтобы сопоставить динамику падения, положение плиты и моего тела, которое я больше не могу контро-

ликовать, мой череп неизбежно разобьется вдребезги о бетон, тогда я словно бы успокаиваюсь и ожидаю грохота. В этот момент я слышу тонкий бесполоый нечеловеческий голос, будто принадлежащий актеру 40-х годов, Жюлю Берри или Жану Тисье, святому или черту, в любом случае, кому-то потустороннему, и этот голос произносит: “Не стоит драться, дети мои, Бог вас любит, он любит вас обоих...” Мою голову, в любом случае, Он любил. Я упал на локоть, прямо возле глыбы, я поднимаюсь и вижу, что надо мной склонился бородатый мужчина в шляпе, в руке у него портфель проповедника, он, улыбаясь, повторяет: “Вы любите друг друга, и Бог вас любит, так что не деритесь больше...” Поэт идет по улице вдалеке, мушкетер-ангел прикреплен у меня на лацкане, когда я оборачиваюсь, мужчина таинственным образом исчез». – «Мы с твоей матерью всегда знали, что тебя убьют, – говорит отец, – она ходила к ясновидящей, которая ей это предсказала».

81

В автобусе хорошо одетая пожилая женщина, вспотев, чавкает вставными челюстями. Иногда кажется, что она от них задыхается и ее вот-вот вырвет. Очевидно, она делает это для того, чтобы облегчить боль. Какая разница, как на нее смотрят, решила она, и какое имеет значение, что это вызывает неловкость, граничащую с омерзением: если боль уменьшается, оно стоит дороже. Позади женщины, которая сидит напротив меня и

жует свои зубы, расположился привлекательный юноша. Я время от времени смотрю на него, и мне кажется, что его взгляд, перехватывающий мой собственный и понимающий меня, равнозначен моему взгляду, понимающему жующую старушку.

82 Я только что купил маникюрные ножницы, это совсем глупо, но я сделал это словно бы напоказ, уже несколько лет меня удерживала какая-то подозрительная нерешительность, и я стриг ногти поржавевшими ножницами, которые с первой же раной заразят меня столбняком, я все время забывал о прививке. От пустячной покупки у меня сложилось ощущение, что я противопоставляю себя двоюродным бабушкам, частые посещения их дома погрузили погрузили меня, словно под колпак, в медленно надвигающийся паралич скарредности. Они моют руки древними кусками пармезана, служившими мылом десятилетия назад и теперь давно разложившимися. Лечатся или травятся микстурами и бальзамами, хранившимися еще на аптечных складах, которые их преемник двадцать пять лет назад отказался у них выкупить, потому что они уже тогда были просрочены. Скупость проявляется прежде всего в отношении человека к самому себе: почему бы не быть прижимистым с остальными, если ты отказываешь во всем себе, тут не к чему придирааться. Уже несколько месяцев я не решаюсь подарить себе небольшую картину в продолговатой раме с выброшенной на берег лодкой.

Я брожу у витрин антикварного магазина, неудачник, преследуемый чужой моралью. Утешившись покупкой ножниц, как ребенок, получивший заветного зверька, я расцеловал своего ангела.

Матье платит оброк, ужиная со мной три раза подряд. Во второй вечер я звоню из ресторана моей осведомительнице, матери Венсана. Она говорит: «Разве вы не беседовали с ним сегодня утром?» – «Да, но он был такой вялый, что мы так ни о чем и не договорились». Я прошу ее, чтобы разговор остался между нами: «Вот уже шесть лет я считаю себя другом Венсана, и часто вы слышали по телефону в моем голосе терзания, вы очень мило пытались их облегчить. Однажды я имел неосторожность довериться Венсану, сказать ему, что вы моя союзница, всегда готовая поведать мне о том, куда он пошел. И он вас в том упрекнул... сейчас я переживаю особо сложный и страшный период, я нуждаюсь в дружеской поддержке, и именно теперь Венсан, ничего не объясняя, не может мне оказать ни малейшей помощи. Он хотя бы не болен?» – «Не думаю, – отвечает его мать, – но я должна со своей стороны признаться вам, что уже много дней он кажется нам необычайно странным, он больше не разговаривает, ходит по квартире, как зомби, сгрызает что-нибудь один в столовой и снова уходит». Я вворачиваю: «А сегодня вечером он поехал на мотоцикле?» – «У него нет мотоцикла», – отвечает его мать. Она говорит мне, что завтра вместе

с мужем уезжает дней на десять в отпуск. Она должна увидеться с Венсаном, чтобы уладить дела с машиной, узнать, нужна она ему или нет. Я желаю ей приятного отпуска. Она говорит мне: «Надеюсь, Венсан подарит вам теплоту, которую вы заслуживаете».

84

Я решил провести эту ночь у Т., переменить что-то, если не мысли, то хотя бы сны, будь то даже кошмары. Во второй половине дня я позвонил К., чтобы предупредить ее и попросить ключи от спальни. Она объявляет, что уедет с детьми в деревню. Когда я появляюсь около десяти часов, ставни закрыты, дом пустой и темный. Я иду посмотреть телевизор, одуреваю в течение двух часов, потом пользуюсь чужой зубной щеткой, ложусь около полуночи, но не в оставленной для меня спальне, я проскальзываю в кровать Т. и К., словно я маленькая девочка из сказки, что, смятая белье и оставляя за собой следы, тайно обследует кровати и мебель медвежьего семейства, пробуя, где поудобнее. Ребенок оставил в кровати резиновую черепаху, которую я, пытаясь уснуть, сжимаю в руке, но сон не приходит, он больше не приходит. Час ночи, два часа ночи... Т. не возвращается, он ужинал с актрисой, которая должна была объявить, что уходит от него: Т.* работает в актерском агентстве. Днем я много раз гово-

* Тъери Джуно был директором социально-культурного центра глухих в Венсене.

рил с ним по телефону, он забрал мой дневник, чтобы сделать фотокопию и вернуть мне. Он думал отослать мне его с курьером, я был против: «Ты с ума сошел, в этом дневнике три года моей жизни, я дорожу им, как собственной рукой, той, что не пишет...» Т. не возвращается, и я вдруг начинаю думать, что он потерял дневник, что он теперь напрасно пытается его отыскать и не осмеливается вернуться. В половине третьего он появляется в спальне, актриса и в самом деле его бросила, но он спокоен. Странное впечатление от того, что опять спишь с лучшим другом, это почти как инцест. Т. впервые выплевывает мою сперму себе в руку и идет умыться. Мы спим всего четыре часа. Утром Т. осматривает свой член, говорит, что он у него чешется, добавляет: «Должно быть, у меня аллергия на твою слюну».

85

Прошлой осенью, когда была волна терактов в Париже, на следующий день после самого жестокого из них*, когда взорвалась начиненная железными деталями, чтобы было

* 17 сентября 1986 г. при взрыве на рю де Ренн погибло 7 и было ранено 55 человек. Это был последний из 13 взрывов, начавшихся в Париже в феврале 1985 г. Ответственность взял на себя «Комитет солидарности с арабскими и ближневосточными политзаключенными», организованный движением Хезболла. Комитет требовал освобождения создателя леворадикальной «Ливанской фракции революционной армии» Жоржа Ибрагима Абдаллы.

побольше жертв, бомба, брошенная людьми из машины на рю де Ренн перед магазином «Тати», у нас с моим другом Бернаром* состоялся у него дома странный разговор. Накануне Бернар виделся со знакомым из того же народа, который считали ответственным за теракты. Потрясенный, тот человек рассказал ему: «Уже много месяцев подряд ко мне домой заходит молодой студент, очень обаятельный, весьма тонкий, он мне очень нравится; вчера он пришел в неопишимо возбужденном состоянии, он умолял позволить ему переночевать у меня, хотя прежде всегда отказывался от этого. Тем временем, я узнал о теракте на рю де Ренн». Среди гостей Бернара встал вопрос: что делать в подобном случае? Мнения разделились. Я упрямо отрезал: «Я бы тотчас же заявил, если бы у меня были доказательства, даже если бы это был мой лучший друг. Даже если бы это был Т., я мог бы донести на него...»

Гангстеры изменили наши взгляды друг на друга, моих двоюродных бабушек и меня самого. Как если бы мы все трое внезапно увидели друг друга голыми: случилось что-то подобное, что-то даже худшее... Я предостерегаю Сюзанну и Луизу: «Не говорите слишком часто с родственниками в таком тоне: “Луиза сошла с ума” или “Сюзанна впала в детство”, всем прекрасно известны случаи, когда эта

* Бернар Фокон, фотограф, близкий друг Эрве Гибера.

самая семья с благими намерениями кладет стариков в психушку, чтоб побыстрее присвоить их добро...» – «В любом случае, – говорит мне Сюзанна, – эта история сведет меня в могилу, она совершенно выбила меня из колеи. Сама не понимаю, может, мне все это приснилось?» Тем не менее, она вполне рассчитывает на дармовую семейную подмогу: «Ты не мог бы перенести все эти бадьи с краской в кладовку?» Сюзанна, которая ничего не поднимала последние пятьдесят лет, не может представить, что я в самом деле не могу поднять бочки, тем более ее сестра, которой восемьдесят один... Новость дня, – новости со всего мира доходят до меня лишь раз в неделю, отфильтрованные двоюродными бабушками, – в Лионе, в холодильниках одного большого предприятия, где выпускают готовые к употреблению блюда, обнаружили мясо, не просто покрытое плесенью, а еще и кишашее червяками... Однажды Сюзанна показала мне, как она лакомится, посасывая нечто подтухшее. Она только что раскраснелась, перекосившись от ненависти, когда я сказал ей, что накануне отлично пообедал с отцом; ей бы хотелось, раз уж так случилось, чтобы мы отужинали этой цвелью различных происшествий, она говорит: «Но вы ведь обедали в “Куполе”, так ведь? Ох, теперь они, должно быть, подают заранее приготовленные блюда». Когда я, озадаченный, возвращаюсь из сада, где тщетно пытался передвинуть бочки с краской, я встречаю Сюзанну с пун-

цовой лживой физиономией; войдя в дом, я перебил Луизу, она как раз говорила Сюзанне: «Клянусь тебе, эти бочки очень и очень тяжелые...» Сюзанна подумала, что я недобросовестный. Я сбегаю от них, иначе они меня уморят; гангстеры, благодаря моему вмешательству, не смогли их прикончить, они же, напротив, не упустят случая...

88

Сюзанна потрясла меня в первый раз, когда я был еще маленьким мальчиком и узнал о том, какой она сама была в детстве: она ходила в отвратных, слишком тесных башмаках, которые кто-то уже носил до нее, они причиняли ей боль, вызывая насмешки маленьких паскуд из Шампани. Дочь железнодорожника постигла, что такое страдание, испытал на себе ярое неприятие окружающих. В Париже, выйдя за аптекаря, она сидит над учетной книгой, вкалывает у ящика кассы с лежащими там и добытыми кровью деньгами, на которые всю жизнь зарится муж ради своих потаскушек, зарятся недобросовестные служащие, она сама, пытаясь отложить что-нибудь про запас, моя мать, просящая не обращать внимание на какие-то траты. Деньги понемногу копились, но она ими никогда не пользовалась, разве что во время запоздалых групповых туристических поездок: эти деньги ей не принадлежали. Муж, не перестававший устраивать жуткие сцены, постоянно твердит ей: «Завещание можно и разорвать!» Когда после его смерти нотариус объявляет, что она становится наследницей при усло-

вии, что у нее вычтут некоторую сумму для бывшей любовницы, которая и так высосала почти все до последней капли, она долго не может прийти в себя. Она болеет и больше не может никуда ездить. На что пойдут оставшиеся деньги? Вся семья начеку. Все эти пятнадцать лет Сюзанну и меня связывает неожиданная, чудесная дружба. Тем не менее, иногда кажется, что ее крутит и жжет что-то порочное. Это притяжение денег. Жуткое подозрение, которое может отнять последнюю надежду и, таким образом, всю предыдущую жизнь: а вдруг я окажусь негодеем?

89

Я отыскал Венсана на работе; он снова стал по телефону таким, как прежде, естественным и дружелюбным. Я смеюсь над своими ложными опасениями. Мы сразу же собираемся вместе уехать на машине, которую оставила ему мать, я зайду за ним к закрытию магазина, курс на Атлантику! В последний раз отправляюсь навестить двоюродных бабушек. Когда я прихожу к ним, Сюзанна лежит на смертном одре. Она говорит мне: «Я смотрела на часы и думала: он уже не застанет меня живой... я так сильно тебя люблю... Я так счастлива, что снова тебя увидела». Ее слова доставляют мне удовольствие, а ей сейчас больно, она умирает! Это не первый микроинфаркт, их было уже штук десять, она рассказывала о них во всех подробностях, на этот раз я при сем присутствую: она сжимает руку на груди в том месте, где адская боль мешает ее дыханию, душит ее. Луиза готовит

капли, потом собирается толочь таблетки, я нахожу, что она сильно мешкает. Я стараюсь не сходить с ума, я улыбаюсь скорчившейся от приступа Сюзанне, я показываю ей выглядывающие из обертки красные бутоны: «Это первые пионы, мои любимые цветы... Тебе они ведь тоже нравятся, да?» С помощью лекарств нам с Луизой удается поставить Сюзанну на ноги. Как только ей становится лучше, ее чудесная нежность улетучивается, она говорит мне: «Попробуй-ка пройти с балкона на террасу, там дверь заклинило, может быть, тебе удастся открыть ее изнутри». Я собираюсь выполнить ее просьбу: я не слишком проворный, мне нужно пройтись вдоль многометрового карниза над пустотой, у меня кружится голова, я отказываюсь, я горд, что не стал рисковать. Сюзанна в ярости. Я заметил, что бадьи с краской переставлены в другое место, я спросил у Луизы, кто это сделал, она мне ответила: «Я». Как ей это удалось с ее большим седалищным нервом, с ее биндажом? Чудеса. Сюзанна заставляет меня позабыть о том, что чуть было не умерла. Все ее слова едки, эгоистичны, злобны. В первый раз в жизни я ее ненавижу. Ее затея удалась, она трудилась над этим в течение пятнадцати лет. Я только что открыл, в чем состоит ее тайна: жизненная потребность в ненависти, в ее порождении, в вызывании ее у других, словно это разряд молнии, словно это любовь. Я ненавижу ее, и все же она персонаж моей книги.

*Где-то между Парижем и Круа-де-Ви в
ночь с 30 апреля на 1 мая*

Т.,

Я пишу именно тебе, так как теперь опасаюсь, что все, что смогу написать в эти дни, у меня украдут. Поэтому я буду время от времени отправлять тебе письма, чтобы сберечь их, прости, если в них не будет почти ничего о тебе, сложившиеся условия заставляют меня воспользоваться почтовым ящиком, я выбрал тебя в качестве хранителя писем, написанных до востребования, не обижайся, ты последний человек, которому, думаю, я могу верить. Никогда я так не боялся ни за одну рукопись, мне кажется, что это не я, а она рискует жизнью. Прежде чем уехать, я сделал ее фотокопию, пришлось протянуть продавцу каждую из ста двадцати двух страниц по отдельности, это было ужасно, так странно видеть все эти листки, покрытые свежей черной краской. Если бы две недели назад, еще до того, как я помимо собственной воли попал в эту историю, мне бы сказали, что совсем скоро, пока еще ничего не подозревая, я начну писать и в конечном итоге появится эта книга, я бы не поверил. К счастью, я не хожу к ясновидящим, иначе бы сошел с ума. Может быть, я уже стал безумным, и вся книга служит тому доказательством? Это меня нужно класть в психушку. Мы ехали всю ночь напролет, сейчас Венсан остановился на обочине, чтобы немного поспать. Как делал это

отец. Мне не спится. По радио говорили, что с Северного полюса в нашу сторону спускаются массы холодного воздуха. Помимо этого говорят лишь о визите Римского Папы. Складываю вчетверо эти пару страниц и кладу их в карман, но прежде обнимаю тебя.

Круа-де-Ви, 1 мая

Т.,

Венсан спит. Не знаю, рассказывал ли я тебе о том, как он спит? Мне отсюда слышится, что ты думаешь: какой хам! Он засыпает на спине, и его левая рука, украшенная пестрым шнурком, томно изгибается, лежа поверх тела, пальцы расслаблены с какой-то неосознаваемой им женственностью, они лишь слегка касаются его торса, замерев будто по волшебству. Я смотрел, как Венсан спит, еще когда он был ребенком, иногда у меня возникает подозрение, что я люблю его только из-за этого сонного жеста, этой маленькой картины, которую я мысленно рисую, и которую он никогда не сможет увидеть. Сегодня утром это снова на меня нашло: ощущение, что я здесь, вместе с ним, только ради того, чтобы застать, еще раз увидеть этот жест Венсана. Если бы он со мной сейчас не встретился, все остальное пошло бы прахом. Это путешествие – настоящее фиаско. Когда я покидал Париж, у меня было чувство, будто я органирую собственную эвакуацию, машина была моей каретой скорой помощи. Еще несколько

часов, и мои нервы в самом деле бы сдали, я это чувствовал, я чувствовал нервное истощение, близкое к помешательству. Венсан подвергает меня новой опасности: он курит, заставляет курить меня, он захватил с собой сверток травы из Конго, она для меня слишком сильная, вместо того, чтобы расслабиться, я становлюсь параноиком. Возле одного блокпоста нас остановили и обыскали. Они увеличили свой штат из-за терактов, которые предшествовали приезду Папы*; ты читал о церквях, в которых взрывались бомбы? С пакетиком травы я чуть не умер от страха. Но Венсан обладает неслыханным нахальством: он дал себя обыскать, подняв кверху руки, за просто держа траву в кулаке! Я забыл сказать тебе прошлой ночью, что я еще сделал с рукописью: после того, как я ее сфотокопировал, я пошел на почту и отправил дубликат в огромном конверте из крафт-бумаги самому себе заказным письмом с уведомлением, заберу ее, когда вернусь. Когда я заполнял формуляр, я понял, что попал впросак: я забыл, что нужно было обозначить еще и имя отправителя. Мне надо было порвать листок. Как ты думаешь, может ли отправитель быть одновременно и получателем, они бы не стали задавать вопросов? Застигнутый врасплох, я записал отправителем Венсана и указал его адрес. Это глупо, мне надо было написать твои коорди-

* Иоанн Павел II посещал Францию несколько раз, в том числе в октябре 1986 года.

наты. Но уже поздно. Если что-нибудь случится, попробуй забрать посылку на почте сам, выдав себя за меня... Мы еще никуда не выходили. Погода по-настоящему мерзкая. У меня такое впечатление, что Венсан собирается спать, не переставая, все сорок восемь часов. Я выхожу на улицу, чтобы отправить тебе это письмо и то, что написал прошлой ночью. Я не понимал, что творится, мне было тошно, совершенно не по себе. Не удивляйся, если я пишу тебе глупости, восприми их такими, какими они пришли мне в голову, у меня нет сил их перечитывать. Обнимаю тебя.

Круа-де-Ви, все еще 1 мая

Т.,

Венсан по-прежнему спит. Я попытался его разбудить, чтобы мы спустились пообедать, бесполезно: он ворчит, вздыхает, зарывается поглубже в кровать; когда я настаиваю, он бранит меня, угрожает. Если он после наркотиков, то они сохраняют в нем ясность, необходимую, чтобы подобрать слова, которые бьют меня побольнее. Можешь себе представить, как весело ковыряться в брюхе краба, в одиночестве сидя в столовой, украшенной рыболовными сетями и ракушками, пока за окнами проливной дождь. Когда мы сегодня утром приехали, дождь не шел, все было просто ужасно серым. Недалеко отсюда, в маленькой деревеньке стена церкви была исписана огромными красными буква-

ми: «Съешь меня». Так они пишут тут всякую чепуху, чтобы протестовать против приезда Папы. Съешь меня, Венсан, маленький злобный волчонок... вернувшись в номер, я растянулся в кровати возле него, даже не пытаюсь к нему прикоснуться. Я подумал о своем теле, спрятанном под одеждой, лежащем так близко к его телу, голому, укрытому одеялом. С этими шрамами, которые останутся на животе после опоясывающего лишая, как сказал мне врач, минимум на три года, мое тело стало еще менее привлекательным; представь, это вызывает во мне радость: я счастлив, что мое тело тридцатилетнего мужчины пытается разными способами установить связь с трупом, в который оно однажды превратится. Пусть они теперь познакомятся поближе, им давно пора это сделать. Запястье Венсана больше не хочет двигаться с места, словно его околдовала любовь. Такое внимание, прикованное лишь к образу, раздражает; это уже не картина, это – скульптура! Я ерзаю по кровати, я чихаю, я дергаю одеяло, чтобы разрушить ее: свинец. Я кидаю поверх одеяло, она исчезает. Внезапно я чувствую: что-то переменялось, что-то переменялось в звуках, в их ритме, в их вариациях среди тяготения и невесомости, – проливной дождь становился приглушенным, но не менее сильным, немощным, словно на улице танцевало некое дуновение, парализующее все, к чему прикасалось. Я поднялся, чтобы посмотреть в окно: идет снег. Первого мая. Я не сплю, нет ника-

кой нужды щипать себя: огромные хлопья, кружась, падают на неподвижное море, белое от пара, поднимающегося с поверхности. Красота просто немыслимая! Я попытался разбудить Венсана, чтобы он увидел, все-таки невероятно, снег первого мая, я подумал, что надо этим воспользоваться, чтобы пойти к Чертовой Дыре, она стала еще красивее, но нужно торопиться до того, как прекратится снег, Венсан выплюнул: «Отвали». Я спустился к администратору, чтобы узнать часы приливов и отливов. Хозяйка, горничная, повар и официант, собравшись за дверью, смотрели на падающий снег. Они говорили, что погода разладилась из-за визита Папы. Хозяйка сказала мне: «Они сожгли еще одну церковь, все это медленно приближается к нам, но, к счастью, его путь пройдет мимо!» Я проверил время прилива: идти к Чертовой Дыре бесполезно, сейчас отлив, смотреть не на что, только большие темные камни по другую сторону дороги и вход в глубине пещеры, который во время войны вел в подземелья и потом был замурован... Я в номере 17 отеля «Водяная пыль» на Пляжном бульваре в Круа-де-Ви в Вандее вместе с продолжающим спать Венсаном. По-прежнему идет снег, может быть, машина больше не сможет завестись и маленький морской курорт, где ничто на снег не рассчитано, будет блокирован. Я выдумываю. Моя рукопись лежит на дне сумки, спрятанная под вещами. Венсан слишком сонный, чтобы совать туда нос. И все же я говорю себе, что

был невероятно неосторожен: если подумать, то книга находится у него прямо в руках, квитанция о заказном отправлении ее дубликата в кармане моего пиджака и выписана на его имя, а оригинал в пределах непосредственной досягаемости, как только я выйду из номера, чтобы отправить тебе письмо. Если случится такое несчастье и по той или иной причине книжка потеряется, умоляю тебя разорвать мои письма. Обнимаю тебя.

97

Круа-де-Ви, по-прежнему 1 мая!

Т.,

Я ничего тебе не написал о Круа-де-Ви, о его пейзажах, которые я хотел снова увидеть, которые я уже вновь видел в стольких снах с тех пор, как решил, что они будут меня преследовать. В этих видениях они были то нетронутыми, то искалеченными: однажды мне снился небоскреб, возведенный прямо на водорослях, из каждого из сотен его окон мне делала знак вандейская милашка в головном уборе из белых кружев... В «Пляжном отеле», куда мы ходили, небесно-голубые ставни крепко заперты, сейчас не сезон. Белый цементный парапет, по которому я вел рукой, давно не красили. Двухцветные навесы, как и кабинки, на пляже еще не устанавливали, по-прежнему стоят только белые деревянные планки, сдерживающие перемещения грунта во время наибольших приливов и дающие ногам отдохнуть от обжигающего песка. Все три

палатки с выпечкой закрыты: не чувствуется запахов ни блинного теста, ни конфитюра... Крытые галереи Клуба Корсаров остаются в наплывах бурых масс мокрого песка, которые рассыпаются от ходов бокоплавов, железо ржавеет без такелажа. Виднеются опоры вышки для ныряния, море отступило далеко отсюда, оставив наносы и последние лужицы, где в ожидании, когда дети начнут возводить свои замки, лежит ил. Каким чудом было удерживать их, отвлекать и строить шпалерные бассейны, в которых они потом копошились, плотины, укрепленные галькой, дабы противостоять им. Можно было часами смотреть, как бегут по песку тоненькие струйки воды, замирает время. На сверкающей кромке отлива десятки кораллово-красных морских звезд лежат, умирая, на спинах. Справа от пляжа, на границе с волнами, где те разбиваются во время большого прилива, скрыта скала, которую прозвали Лягушкой. Дальше, на углу бухты виднеется против света медвежий силуэт человека, несущего на плечах ребенка, какая потрясающая каменная громада! Она стала всего лишь чуть меньше с прошлого раза. Вновь обретенный пейзаж оказался моделью пейзажа детства. На горизонте ни одного бумажного змея. Бурое пространство скользких водорослей по-прежнему ждет меня с теми резиновыми сандалиями, белой парусиновой шляпой, красным ведерком и сачком, который я забыл ополоснуть в пресной воде, от него мило попахивает креветка-

ми. Я буду отсиживаться в каждой бухточке, буду процеживать их, пока каждая не подарит гигантского краба, который ущипнет меня до крови. Я продолжаю удаляться, рискуя быть застигнутым стремительным морем; если мне удастся пройти еще пять минут, я дойду вброд до Чертовой Дыры... Венсан спит, порой он больше как будто не дышит, я спрашиваю себя, не умер ли он. Поднимется ли он к ужину? Снег перестал идти, тебя же обнимет кто-то другой.

99

Прилив будет в одиннадцать пятьдесят семь. Я бужу Венсана, он проспал без перерыва больше двадцати четырех часов. «Он, должно быть, совсем измотан», – вот и все, что я могу сказать себе. Поверит ли он в то, что шел снег? Ему нужно лишь спросить первого встречного, тогда он узнает, что это правда, но это его не интересует. Он только что принял ванну, он сворачивает себе косячок, у него плохое настроение, он говорит мне: «Успокойся! Твоя Чертова Дыра, твои идиотские планы меня раздражают, если ты будешь продолжать, я дам тебе в морду и пошлю тебя куда подальше...» Он отказался идти до Чертовой Дыры пешком, сказал, что очень устал, мы садимся в машину, поднимаемся после пляжа вдоль склона, поворачиваем раз, другой, потом катимся по прямой, я ищу за липами нагромождение больших камней, я боюсь, что оно развалилось. «Остановись, – говорю я Венсану, это должно быть тут». Нет

больше ни туристических автобусов, ни машин с семьями, абсолютная пустыня, погода столь скверная. Я спускаюсь по небольшому откосу, море скрыто от меня густым кустарником, Венсан идет далеко позади. Я слышу дыханье пучины, ее призыв. Я узнаю источник в черных острых скалах, его манеру струиться наружу, опустошая себя, пустея, прежде чем со стоном забить и извергнуться снова. Над самой пучиной есть небольшой уступ; я позабыл об этом, я жду, когда море с откатом волны устремится назад, чтобы я мог подойти поближе, я иду, держа равновесие, я очень внимателен, меня забавляет, что я не считаюсь со своим головокружением, может быть, после этого я его больше не буду испытывать; это такой ужас при малейшем перемещении, при малейшем намеке на пустоту... Я излечиваюсь от этого. Мне нужно всего лишь достичь противоположного края пучины. Я не слышал, как он подошел ко мне, я чувствую на спине руки Венсана. Толкают они меня или ласкают?

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

Анна Каван
МЕХАНИЗМЫ В ГОЛОВЕ

Это книга о депрессии, безумии и одиночестве. Неведомая сила приговорила рассказчицу к нескончаемым страданиям в ожидании приговора за неизвестное преступление. Анна Каван (1901-1968) описывает свой опыт пребывания в швейцарской психиатрической клинике, где ее пытались излечить от невроза, депрессии и героиновой зависимости. Как отметил в отклике на первое издание этой книги (1940) сэр Десмонд Маккарти, «самое важное в этих рассказах – красота беспредельного отчаяния».

Марсель Жуандо
ЗАТЕРЯННЫЕ СТРАНИЦЫ

Николай Бердяев, назвавший Марсея Жуандо (1888-1979) «самым замечательным и глубокомысленным писателем современной Франции», не подозревал, что наряду с принесшими ему славу книгами о провинциальных нравах, богоискательстве и супружеских отношениях, Жуандо пишет и другие вещи: о великолепии мужских борделей. «Затерянные страницы» – последняя книга из цикла «тайных сочинений» Жуандо – была опубликована после смерти автора.

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

Тони Дювер
РЕЦИДИВ

В 1967 году парижское издательство «Полночь» получило рукопись романа «Рецидив». Знаменитый редактор Жером Лендон решил опубликовать сочинение двадцатидвухлетнего автора, «прозу Жана Жене, переписанную Аленом Роб-Грийе». В своей первой книге Тони Дювер (1945-2008) приступает к созданию диковинной сексуальной утопии, пейзаж которой развернется в его радикальных романах 70-х годов. «Я потерял счет времени, потому что снял часы. Чем мы занимались? Да тем, чем обычно занимаются в постели. Он взял бритвенное лезвие и нарисовал у меня на животе красную звезду – пупок в центре. Осторожно лег на меня, и звезда отпечаталась на нем».

Альфред Честер
КОЛЕСНИЦА ПЛОТИ

Баронесса Карла Арвон, прекрасная парижанка с ледяными волосами, покидает своего возлюбленного и исчезает на много лет. Ее труп находят в номере дешевой гостиницы. Как баронесса провела последние годы своей жизни? Кого она навещала каждую ночь? Отчего она умерла? Ответы на эти вопросы предстоит узнать ее другу Говарду Каннингему и читателю этой книги, который заодно получит рецепт, как заниматься любовью стоя на голове.

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications»
можно приобрести в Москве:

«Фаланстер» Малый Гнездниковский переулоч, д. 12/27
«Москва» ул. Тверская, д. 8
«Циолковский» Новая площадь д.3/4
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Индиго» ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Dodo» Таганская ул., 31/22

в Петербурге:

«Порядок слов» наб. Фонтанки, д. 15
«Борхес» наб. Обводного канала, 60
«Все свободны», наб. Мойки, 28, второй двор
«Петербургская книжная лавка», Невский проспект, 66

через Интернет:

«Ozon» ozon.ru
"Книга" kniga.ru
«Esterum» esterum.ru
«Petropol» petropol.com
«Болеро» bolero.ru
«Чакона» chaconne.ru
«Международная книга» mkniga.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на Украине:

«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж обращаться в
ооо «Берроунз», тел. (495) 971-47-92
Национальный книжный дистрибьютор
«Книжный Клуб 36.6», тел. (495) 926-45-44

Все книги нашего издательства можно заказать
наложенным платежом в редакции на сайте kolonna.org

Эрве Гибер
ГАНГСТЕРЫ

Kolonna Publications.

Россия, Тверь, улица Брагина, 6, офис 301
Подписано в печать 25.10.2012 Тираж 500 экз. Заказ № 88RU
Формат 70 x 100/32. Объем 6,5 п. л. Гарнитура itc Charter
Отпечатано в типографии «Сладкое Детство»,
152025, Ярославская обл., г. Переславль-Залесский, переулоч
св. конферансье Чарльза и Всеволода Чаплиных, 6.